

18+

ПЕНЕЛОПА
ДУГЛАС
ДОВЕРИЕ

Эти люди внушают доверие, и я убеждаюсь, что всегда нуждалась именно в нем.

Не в сексе. Не в парне. А просто в месте. **ТИРНАН**

Пенелопа Дуглас

Доверие

Серия «#NewRomance»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64698667
Доверие : [роман] / Пенелопа Дуглас: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-136566-0*

Аннотация

В последнее время Тирнан де Хаас все стало безразлично. Единственная дочь кинопродюсера и его жены-старлетки выросла в богатой, привилегированной семье, однако не получила от родных ни любви, ни наставлений. С ранних лет девушку отправляли в школы-пансионы, и все же ей не удалось избежать одиночества. Она не смогла найти свой жизненный путь, ведь тень родительской славы всюду преследовала ее.

После внезапной смерти родителей Тирнан понимает: ей положено горевать. Но разве что-то изменилось? Она и так всегда была одна.

Джейк Ван дер Берг, сводный брат ее отца и единственный живой родственник, берет девушку, которой осталась пара месяцев до восемнадцатилетия, под свою опеку. Отправившись жить с ним и его двумя сыновьями, Калемом и Ноем, в горы Колорадо, Тирнан вскоре обнаруживает, что теперь эти мужчины решают, о чем ей беспокоиться. Под их покровительством она

учится работать, выживать в глухом лесу и постепенно находит свое место среди них.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	51
Глава 4	78
Глава 5	107
Глава 6	125
Глава 7	158
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Пенелопа Дуглас

Доверие

Нам нужен не свет, а огонь.

Не ласковый дождик, а гром.

Нам нужны буря, вихрь, землетрясение.

Фредерик Дуглас

Плейлист

«Blue Blood» LAUREL

«break up with your girlfriend, I'm bored» Ariana Grande

«Dancing Barefoot» U2

«Devil In a Bottle» Genitorturers

«Do You Wanna Touch Me (Oh Yeah)» Joan Jett

«Fire It Up» Thousand Foot Krutch

«Give You Hell» The All-American Rejects

«I Found» Amber Run

«Kryptonite» 3 Doors Down

«Look Back at It» A Boogie wit da Hoodie

«Nobody Rides for Free» Ratt

«The Hand That Feeds» Nine Inch Nails

«Way Down We Go» KALEO

«Wow.» Post Malone

Глава 1

Тирнан

Так странно. Качели из автомобильной покрышки во дворе – единственная вещь, свидетельствующая о том, что здесь живет ребенок. В доме никогда не развешивали рисунки – ни на холодильнике, ни на стенах. На полках – ни одной детской книги. Никакой обуви у входной двери или надувных игрушек в бассейне.

Это дом пары, а не семьи.

Я смотрю в окно на покрышку, свисающую с ветки дуба и раскачиваемую ветром из стороны в сторону, рассеяно поглаживаю пальцами красную ленту в волосах и ощущаю ее успокаивающую гладкость.

Он всегда находил время, чтобы покачать ее на качелях, не правда ли? Он находил время для нее.

А она для него.

Где-то у меня за спиной пищат и издают статичный треск рации, с лестницы доносится звук шагов, наверху хлопают двери. Полиция и парамедики заняты, но, уверена, вскоре они захотят поговорить со мной.

Я сглатываю, не моргая.

Когда отец повесил эту шину десять лет назад, я думала, она предназначалась для меня. Мне разрешали играть с ней, однако на самом деле качели любила моя мать. Раньше я наблюдала за ними по ночам из окна своей спальни. Родители так игриво общались, смеялись, пока он качал ее, словно переносились в свой собственный волшебный мирок. Мне очень хотелось оказаться рядом, но я знала, что волшебство исчезнет, едва они увидят меня. Поэтому всегда лишь смотрела в окно.

Как и сейчас.

Закусив губу, я вижу зеленый листок, который парит в воздухе и приземляется внутри шины – там, где мать сидела бесчисленное количество раз. Ее образ в белой ночной сорочке с развевающимися светлыми волосами до сих пор невероятно ярок, ведь в последний раз она каталась на этих качелях вчера.

Сзади кто-то прокашливается. Опустив глаза, я наконец-то моргаю.

– Они сказали тебе что-нибудь? – слезно спрашивает Мираи.

Я не оборачиваюсь. Спустя мгновение медленно качаю головой.

– Когда ты говорила с ними в последний раз?

На этот вопрос я ответить не могу. Не помню точно.

Она приближается, однако останавливается в нескольких метрах от меня. Слышатся клцанье и скрип первой меди-

цинской каталки. Ее спускают по лестнице и выносят из дома.

Вздернув подбородок, собираюсь с духом. Когда парамедики открывают дверь, снаружи доносится отдаленный шум. Выкрики и вопросы, автомобильные гудки, свидетельствующие о том, что люди продолжают прибывать. Собравшиеся за воротами представители прессы наверняка видят, как вывозят тело.

Когда я говорила с родителями в последний раз?

– Полицейские нашли кое-какие лекарства в ванной твоих родителей, – тихим голосом сообщает Мираи. – На флаконах указано имя твоего отца. Они связались с врачом и выяснили, что у него был рак, Тирнан.

Я не шевелюсь.

– Они ничего мне не рассказывали. Ты знала о его болезни?

Снова отрицательно качаю головой, наблюдая за раскачивающейся покрывшейся.

Женщина громко сглатывает.

– Очевидно, он пробовал различные виды лечения, но заболевание оказалось слишком агрессивным. Врач сказал... твой отец не протянул бы и года, милая.

Резкий порыв ветра кружит качели, закручивает веревку.

– Похоже... похоже, они... – Мираи умолкает, не в силах закончить предложение.

Я знаю, на что это похоже. Сразу поняла, когда обнару-

жила их утром. Тулуза, шотландский терьер моей матери, царапала дверь родительской спальни, просилась внутрь. Мне показалось странным, что они еще не встали, но я все равно приоткрыла дверь и впустила собаку. За мгновение до того, как опять ее закрыть, подняла взгляд и увидела отца с матерью.

На кровати. В объятиях друг друга. Полностью одетыми.

Он был в своем любимом костюме от Givenchy, а она надела платье Oscar de la Renta, в котором выходила на красную дорожку Каннского кинофестиваля в 2013 году.

У отца обнаружили рак.

Он умирал.

Они оба это знали, и мать решила, что не позволит ему уйти без нее. Решила, что, кроме него, ничто не держало ее в этом мире.

Ничто.

В глазах начинает щипать, однако слезы почти мгновенно отступают.

– Полицейские не нашли записку, – говорит Мираи. – Ты не находила...

Повернув голову, смотрю ей прямо в глаза. Она сразу же отсекается. Какой глупый вопрос.

Я стискиваю челюсти и снова сглатываю. В горло словно иглы вонзаются. За годы, пока моим воспитанием занимались няни, учителя школ-интернатов, вожатые летних лагерей, кто угодно, только не родители, я осознала, что их от-

ношение давно перестало меня ранить. Правда, похоже, уязвимые места все-таки остались.

Они не оставили записки. Даже в такой ситуации не захотели сказать мне ни слова.

Моргнув, я отгоняю слезы, поворачиваюсь обратно к окну и пытаюсь сосредоточиться на покрывше, маятником болтающейся на ветру.

Сзади слышатся тихие всхлипы и рыдания Мираи, потому что она знает. Знает, что я чувствую, ведь она была рядом с самого начала.

Спустя минуту замечаю ее снаружи. Женщина проходит мимо окна. Я даже не заметила, когда она покинула комнату. С садовыми ножницами Мираи стремительно подходит к качелям, подносит лезвия к веревке. Сжав кулаки, наблюдаю, как она перерезает бечевку нить за нитью. В конечном счете покрывше падает на землю.

Единственная слеза наконец-то скатывается по щеке. Впервые за лето, проведенное дома, я чувствую нечто похожее на любовь.

Через несколько часов, уже после заката, в доме снова воцаряется тишина. Я одна. Почти одна. Репортеры до сих пор дежурят за воротами.

Мираи предложила мне переночевать в ее маленькой однокомнатной квартирке. Ей платили более чем достаточно, чтобы она позволила себе жилье получше, но смысла сни-

мать квартиру, тем более огромную, по сути, не было, так как она проводила дни и ночи в нашем доме или путешествовала с моей матерью. Я вежливо отказалась.

Она забрала с собой Тулузу, ведь эта собака ладила со мной не лучше, чем с мокрой кошкой, и пообещала вернуться рано утром.

Мне следовало быть добрее к Мираи. Хотя женщина и вызвалась остаться здесь, мне не хотелось никого видеть. Шум и чужое внимание меня нервировали, и я не желала слушать предстоявшие ей сегодня телефонные разговоры. Это станет лишним напоминанием о том, какой ад сейчас разворачивается в мире и социальных сетях.

Люди судачат о моих родителях.

Наверняка сплетничают обо мне.

Жалость. Прогнозы о том, когда я последую за мамой и папой из-за передозировки или собственного суицида. У каждого есть мнение; им кажется, будто они знают все. Если я раньше думала, что живу в аквариуме...

Выдохнув, подхожу к кухонной плите. Родители оставили меня разгребать это дерьмо.

Пар поднимается над кастрюлей. Я выключаю горелку и накладываю лапшу рамэн в миску. Глядя на желтый бульон, тру свои пересохшие губы друг о друга. В животе урчит. Целый день я ничего не ела и не пила, только все равно сомневаюсь, что планировала съесть эту лапшу, когда вечером наконец-то забрела на кухню, чтобы ее приготовить. Просто

мне всегда нравился сам процесс: следовать рецепту, выполнять определенные действия... Я знала, что делать. Это так успокаивает.

Обхватив миску пальцами, наслаждаюсь теплом, проникающим сквозь керамику в руки. По телу пробегают мурашки. Уже приготовившись сделать глоток, понимаю: сил вряд ли хватит.

Они мертвы, а я ни разу не заплакала. Меня больше беспокоит завтрашний день. Справлюсь ли я.

Понятия не имею, как быть. К горлу подступает желчь от одной мысли, что в течение следующих недель придется заставлять себя вести светские беседы с руководителями киностудий, старыми друзьями родителей, пока буду участвовать в похоронах матери и отца и разбираться со своим наследством. Мне тошно. Я не смогу.

Не смогу.

Родители знали, что мне не хватит навыков, чтобы справиться с подобной ситуацией. Я не умею улыбаться или симулировать чувства.

Выудив из ящика палочки, кладу их в миску, затем поднимаюсь на второй этаж. Когда преодолеваю лестницу, без заминки отворачиваюсь от родительской спальни и направляюсь влево, в свою собственную комнату. Поставив лапшу на стол, я замираю. От запаха бульона сводит живот. Отойдя к стене, сползаю на пол. Прохлада деревянного паркета помогает расслабиться. Буквально тянет лечь и прислониться

к полу лицом.

Разве не странно, что я осталась в доме, где они умерли этим утром? Судмедэксперт назвал предполагаемое время смерти – около двух часов ночи. Я проснулась в шесть.

В голове кружат мысли. Одновременно хочется обо всем забыть и понять, как это произошло. Мираи приходит каждый день. Если не я, то она бы их нашла. Почему родители не подождали моего возвращения в школу на следующей неделе? Они вообще помнили, что я была дома?

Запрокинув голову назад, кладу руки на согнутые колени и закрываю глаза, которые вдруг отчего-то начинает жечь.

Ни мать, ни отец не оставили мне записку.

Они нарядились. Выпустили собаку. Сказали Мираи прийти позже, а не рано утром, как обычно.

Родители не написали мне записку.

В противоположном конце длинного коридора их закрытая спальня дамочным мечом довлеет надо мной. Распахнув веки, смотрю на нее через свою открытую дверь.

Звуки в доме не изменились.

Ничего не изменилось.

Вдруг откуда-то доносится приглушенная вибрация. Чувство страха возвращает меня в реальность, и я моргаю. Что это такое?

Я думала, что отключила свой телефон.

Репортеры в курсе: запрос о комментариях нужно делать только через представителей моих родителей. Но это не оста-

навливает особенно алчных — а таких большинство — от поисков номера моего сотового.

Протянув руку, нащупываю на столе мобильник, однако, когда нажимаю на кнопку питания, вижу, что он по-прежнему выключен.

Вибрация продолжается. Сердце пропускает удар, едва меня осеняет.

Это мой личный телефон. Спрятанный в ящике стола.

Лишь родители и Мираи знали этот номер. Он предназначался для экстренной связи, ведь я часто отключала другой. Правда, они никогда на него не звонили, поэтому я давно не носила второй сотовый с собой.

Я встаю на колени, открываю ящик, отсоединяю старый iPhone от зарядного устройства, падаю обратно на пол и смотрю на дисплей.

Колорадо. У меня нет знакомых в Колорадо.

Но на этот номер обычно никто не звонит. Возможно, его откопал какой-нибудь журналист. Хотя сомнительно. Он оформлен не на мое имя.

— Алло? — отвечаю я.

— Тирнан?

В низком голосе мужчины проскакивают нотки удивления, словно он не ожидал моего ответа. Или нервничает.

— Это Джейк Ван дер Берг.

Джейк Ван дер Берг...

— Твой дядя Джейк Ван дер Берг.

Тут я вспоминаю.

– Папин?..

– Брат, – заканчивает мужчина вместо меня. – Сводный брат вообще-то, да.

Я совсем забыла. Имя Джейка Ван дер Берга редко упоминали в нашем доме. За всю жизнь мне ни разу не пришлось общаться с родственниками, поэтому даже из головы вылетело, что они у меня есть.

Мать росла в приемных семьях, своего родного отца не знала, братьев и сестер у нее не было. У папы – только младший сводный брат, прекративший с ним общение и с которым я никогда не встречалась. Его родители умерли, так что у меня не было ни бабушек, ни дедушек, ни дядей, ни тетей, ни кузенов.

Есть лишь одна причина, почему он позвонил мне впервые за семнадцать лет.

– Эм, – бормочу я, подбирая слова, – ассистентка моей матери занимается организацией похорон. Если вам нужны детали, я ничего не знаю. Дам вам ее номер.

– Я не приеду на похороны.

На мгновение я замираю. Судя по тону, он раздражен.

К тому же Джейк не выразил соболезнований в связи с моей «утратой», что необычно. Они мне и не нужны, но тогда зачем он звонит? Решил, будто отец вписал его в завещание?

Если честно, он вполне мог это сделать. Я понятия не имею.

Прежде чем успеваю спросить, чего хочет Джейк, он прокашливается.

– Сегодня я получил звонок от адвоката твоего отца, Тирнан. Раз я твой единственный живой родственник, а ты еще несовершеннолетняя, похоже, родители передали тебя под мою опеку.

Под его опеку?

Похуже. Кажется, для него это тоже неожиданные новости.

Мне не нужна ничья опека.

Мужчина продолжает:

– Через пару месяцев тебе исполнится восемнадцать. Я не заставляю тебя переезжать, так что не волнуйся.

Ладно. Замешкавшись на секунду, я не уверена, чувствую облегчение или нет. У меня не было времени переварить напоминание о моем несовершеннолетии и что это значит теперь, после смерти родителей, а он уже уверил: это не будет ничего значить. Моя жизнь не изменится.

Хорошо.

– Несомненно, ты гораздо смышленей, чем мы, – говорит Джейк. – Учитывая среду, в которой выросла, ты вполне можешь позаботиться о себе.

– Мы? – невнятно повторяю я.

– Я и мои сыновья. Ной и Калев. Они немногим старше тебя, между прочим. Может, на несколько лет.

Значит, у меня есть двоюродные братья. То есть... свод-

ные двоюродные братья.

Без разницы. Это все ерунда. Я начинаю теребить светлого-голубую кулиску своих пижамных шортов.

– Просто хотел связаться с тобой и сказать, если захочешь провести процедуру эмансипации¹, я возражать не стану. У меня нет намерений усложнить положение и вырвать тебя из привычной жизни.

Уставившись на кулиску, сжимаю ее ногтями и туго затягиваю. *Ладно.*

– Ну... спасибо, что позвонили.

Я убираю трубку от уха, но почти сразу же поднимаю мобильник, снова услышав голос Джейка Ван дер Берга.

– Ты *хочешь* приехать сюда? Не думай, будто тебе не рады. Рады. Просто я подумал...

Он замолкает, а я слушаю дальше.

Хохотнув, мужчина поясняет:

– Мы ведем довольно отшельнический образ жизни, Тирнан. Ничего интересного для юной девушки, особенно для той, которая не знает, кто я, черт побери, такой, понимаешь? – Его тон мрачнеет. – Мы с твоим отцом... никогда не сходились во мнениях.

Я сижу молча. Знаю, с моей стороны было бы вежливо поддержать разговор. Или, возможно, Джейк ждет, что я начну задавать вопросы. Например, о причинах раздора между

¹ В гражданском праве – признание несовершеннолетнего полностью дееспособным.

ним и папой. Был ли он знаком с моей матерью?

Только я не хочу говорить. Мне плевать.

– Он рассказывал, что мы живем в Колорадо? – тихо интересуется Джейк. – Неподалеку от Теллерайда, в горах.

Вдохнув и выдохнув, наматываю ленту на палец.

– В хорошую погоду дорога до города занимает не очень много времени, однако зимой снегопады отрезают нас от мира на несколько месяцев. Наша жизнь разительно отличается от твоей.

Я поднимаю глаза, медленно окидываю взглядом пустую комнату. Количество ночей, которые я провела здесь, наверное, можно по пальцам сосчитать. Полки заполнены книгами, которые я так и не дочитала. На столе лежат стопки красивых блокнотов, которые мне нравилось покупать, но я редко в них что-то писала. Во время каникул подумывала сделать в спальне легкий ремонт – получилось, правда, как и со всем остальным, даже обои не выбрала, потому что не могла определиться. У меня отсутствует воображение.

Да, моя жизнь...

Дверь родительской комнаты по-прежнему тяготит своим видом.

Он сказал, что *снегопады отрезают их от мира. На несколько месяцев.*

– Нет кабельного телевидения. Никакого шума. Порой даже интернет не работает. Только звук ветра, водопадов и грома.

Мое сердце слегка ноет. Не знаю, дело в словах или его голосе. *Только звук ветра, водопадов и грома.*

Звучит потрясающе, по правде говоря. Довольно заманчиво. Там до тебя никто не доберется.

– Мои мальчишки привыкли к изоляции, – произносит Джейк. – Но ты...

Вновь подхватив кулиску, наматываю ее на палец. *Но я?..*

– Я переехал сюда, когда был чуть старше тебя, – задумчиво сообщает он, явно улыбаясь. – С нежными руками и кучей дерьма в голове, с которой никак не мог разобраться. Еле живой.

Острая боль пронзает горло, и я закрываю глаза.

– Попотеть под солнцем полезно. – Джейк вздыхает. – Тяжелый труд дает отдушину. Мы сами построили все, что имеем. У нас хорошая жизнь.

Может, именно это мне и нужно. Сбежать, как он сбежал в моем возрасте. С головой окунуться в другой мир, ведь сейчас я ощущаю лишь усталость.

– Хорошо ли тебе жилось? – едва слышно спрашивает мужчина.

Я зажмуриваюсь. Такое чувство, словно на легкие давит грузовик. Мне отлично жилось. Мой шкаф забит дизайнерской одеждой и сумками, какие, по мнению окружающих, полагается иметь дочери известных кинозвезд. Я посетила две дюжины стран. Могу купить все что пожелаю. У меня огромный дом. Мой холодильник полон. Сколько людей с ра-

достью бы поменялось со мной местами? Как мне повезло?
– Ты *хочешь* приехать сюда, Тирнан? – вновь интересуется Джейк.

Глава 2

Тирнан

Спустив беспроводные наушники на шею, оглядываю зал. В зоне выдачи багажа аэропорта всего две карусели. Туалеты в ЛАКС² и то больше по площади.

Он здесь? Я поворачиваюсь на месте кругом, пытаюсь узнать человека, которого никогда не видела. Полагаю, он первый меня заметит. Фотографиями нашей семьи сейчас весь интернет пестрит.

Следуя за толпой, я направляюсь ко второму конвейеру и жду свой багаж. Скорее всего, я взяла слишком много вещей, особенно учитывая тот факт, что вряд ли задержусь надолго, но, если честно, я особо не задумывалась. Джейк прислал билет на электронную почту, сказал, мне самой решать, использовать его или нет, после чего я просто схватила чемоданы и начала их собирать. Необходимость делать хоть что-то принесла чувство облегчения.

Я проверяю, не пропустила ли звонок с подробностями о месте встречи, однако вместо этого вижу эсэмэску от Мирай.

«Хотела предупредить... Коронер подтвердит причину

² Международный аэропорт Лос-Анджелеса.

смерти к концу недели. Информация попадет в выпуски новостей. Если тебе нужно будет поговорить, я рядом. Всегда».

Глубоко вздохнув, забываю выдохнуть и сую телефон в задний карман. *Причина смерти.* Нам известно, как они умерли. В данный момент религиозные фанатики в «Твиттере» проклинаят моих родителей, называют грешниками за то, что они сами лишили себя жизни, и у меня не нашлось сил на это смотреть. Многое можно сказать о моих проблемах с Ханнесом и Амелией де Хаас, но я не хотела выслушивать всякую чушь от не знавших их чужаков.

Нужно отключить сотовый. Нужно...

Я хмурюсь. *Мне следует уехать домой.*

Этот парень тоже чужак для меня, а я никогда не проникаюсь симпатией к незнакомым людям.

Правда, прошлой ночью возможность сбежать из дома показалась единственно верным решением.

Карусель начинает вращаться, тем самым заставляя меня очнуться от размышлений; появляется первый багаж. Один из моих черных чемоданов приближается. Я тянусь к нему, чтобы поймать, как вдруг другая рука подхватывает чемодан и снимает его с ленты. Резко выпрямившись, оказываюсь лицом к лицу с мужчиной.

Ну, не совсем лицом к лицу. Он смотрит на меня сверху вниз. Открыв рот, пытаюсь что-нибудь сказать, да только не могу вспомнить... ни слова. Мы палимся друг на друга, оцепенев. Мужчина не моргает, его глаза буквально остеклене-

ли.

Это он?

Мне известно, что, как и отец, его сводный брат имеет голландские корни. Внешность этого парня вполне соответствует: рост метр девяносто, атлетическое телосложение, короткостриженные темно-русые волосы и голубые глаза, искорки юмора в которых смягчают его упрямо сжатые челюсти и грозный вид.

– Вы Джейк? – спрашиваю я.

– Привет.

Привет? Он не сводит с меня взгляда. На миг я тоже не могу оторвать от него глаз. Они с отцом не кровные родственники, но я по какой-то причине думала, будто они окажутся похожи. Не знаю почему.

Мои ожидания совершенно не оправдались. Про их разницу в возрасте даже мысли не возникало. Джейк, должно быть, младше Ханнеса минимум лет на десять. Под или слегка за сорок?

Возможно, это сыграло роль в том, почему они не ладили. Два человека из совершенно разных миров, поэтому у них не нашлось ничего общего в юности?

Несколько секунд мы стоим на месте. У меня такое чувство, что в подобные моменты большинство людей обнимается или вроде того. Я делаю шаг назад, отстраняясь от Джейка на всякий случай.

Хотя он и не собирался обниматься. Вместо этого мужчи-

на смотрит в сторону и указывает рукой.

– Этот тоже?

У него низкий, но мягкий голос, словно при всем своем бесстрашии он немного боится меня. Мое сердце бьется чаще.

Какой вопрос задал Джейк?

Ох, багаж.

Оглянувшись через плечо, замечаю второй черный чемодан, медленно ползущий по ленте.

Отрывисто кивнув, жду, пока он поравняется с нами.

– Как вы меня узнали? – интересуюсь я, вспомнив, как Джейк просто молча подхватил вещи, не потрудившись уточнить мое имя.

Он тихо смеется себе под нос.

Я закрываю глаза. Наверняка он где-то видел мои фотографии, догадаться было несложно.

– Точно, – бормочу я.

– Извини, – отвечает Джейк, протягивая руку, чтобы схватить чемодан. Наши тела соприкасаются, и я отшатываюсь назад.

Ставив кейс с конвейера, он добавляет:

– К тому же ты тут одна с чемоданами от «Луи Виттона», так что...

Оглядев его, замечаю джинсы с грязными коленками, серую футболку за семь долларов.

– Вы знаете о «Луи»?

– Больше, чем хотел бы. – Джейк многозначительно смотрит на меня. – Я тоже вырос в этом кругу, помнишь?

В этом кругу. Он говорит так, будто роскошь и дизайнерские бренды отрицают наличие внутренних ценностей. Люди могут жить разной жизнью, но истина всегда неизменна.

Прочистив горло, я тянусь к чемодану.

– Я могу взять один.

– Все нормально. – Он качает головой.

У меня рюкзак за спиной и сумка с ручной кладью, а у Джейка – оба моих чемодана на колесиках.

Я готова идти, однако его взгляд со смесью робости и восхищения по-прежнему прикован ко мне.

– Что такое?

– Ничего, извини, – произносит он, опять замотав головой. – Просто ты очень похожа на свою мать.

Я опускаю глаза. Не в первый раз слышу подобное, и это, бесспорно, комплимент. Моя мать была красивая. Харизматичная, статная...

Только подобные сравнения никогда мне не льстили. Создается впечатление, что все в первую очередь видят ее.

Серые глаза, белокурые волосы – мои песочного оттенка от природы, она же красилась в более золотистые тона.

Темные брови – моя единственная «собственность». Маленький предмет гордости. Мне нравилось, что благодаря им цвет глаз казался выразительнее.

Джейк глубоко вздыхает.

– Есть еще что-нибудь?

Полагаю, он имеет в виду багаж.

Я отрицательно качаю головой.

– Ладно, тогда в дорогу.

Мужчина направляется к выходу, и я следую за ним, ла-
вируя между редкими кучками людей.

Едва мы выходим на улицу, вдыхаю густой, согретый
поздним августовским солнцем воздух, ощущаю запах ас-
фальта и леса, раскинувшегося за парковкой. Легкий вете-
рок щекочет волоски на руках. Несмотря на безоблачное
небо и обилие зелени, меня тянет надеть свою куртку, по-
вязанную на талии. Когда пересекаем пешеходный переход,
нам не приходится оглядываться по сторонам – в очереди,
ожидającej валета перед загородным клубом моих родите-
лей в полдень воскресенья, и то больше машин собирается.
Мне нравится. Никаких гудков, тротуар не сотрясается от
аудиосистем.

Джейк останавливается около черного пикапа. Вместо то-
го чтобы опустить задний борт, он просто закидывает мой
чемодан на грузовую площадку. Затем оборачивается и ана-
логичным образом грузит второй чемодан.

Я поднимаю свою сумку, собираясь помочь, однако муж-
чина быстро выхватывает ее из моих рук. Мышцы его пред-
плечий напрягаются и перекачиваются, кожа блестит под
солнцем.

– Мне следовало взять меньше вещей, – озвучиваю свои

мысли.

Он поворачивается.

– Ты не в гости приехала.

Да, возможно. Я до сих пор не определилась, но подумала, что будет лучше запастись гардеробом на долгий срок, если решу остаться.

Мы садимся в машину. Пока Джейк заводит мотор, я пристегиваю ремень безопасности и рефлекторно тянусь к наушникам. Вовремя спохватившись, останавливаюсь. Игнорировать его будет невежливо, ведь мы только встретились. Родителей это никогда не беспокоило, однако они просили не надевать наушники в присутствии других людей.

Я бросаю взгляд на радиоприемник. *Пожалуйста, пусть музыка будет включена.*

Пикап с рокотом заводится, дисплей приемника загорается, и из динамиков звучит песня Kryptonite. На миг я чувствую облегчение. Праздные беседы мучительны.

Джейк выезжает со стоянки. Сцепив ладони в замок, кладу их на колени и отворачиваюсь к окну.

– Итак, я проверил, – говорит мужчина, заглушая радио. – У нас есть онлайн-школа, в которой ты можешь продолжить обучение.

Я смотрю на него.

– В наших краях многие дети помогают с хозяйством на ранчо, поэтому домашнее обучение или курсы в интернете – довольно распространенное явление, – поясняет Джейк.

Ох.

Немного расслабляюсь. На секунду я подумала, будто он ждет, что я стану посещать школу. Я приготовилась жить в новом месте. Привыкание к новым преподавателям и одноклассникам в мои планы не входило; я толком не знала даже тех, с кем проучилась последние три года.

В любом случае ему не стоило беспокоиться: я сама обо всем позаботилась.

– Мне разрешили остаться в «Бринморе», – отвечаю, переводя взгляд обратно к окну. – Моя школа в Коннектикуте с радостью помогла реорганизовать учебный процесс на время моего... отсутствия. Учителя уже прислали расписание. Я смогу выполнять все задания онлайн.

Вдоль шоссе то тут, то там начинают попадаться дома: ранчо в стиле 80-х с ржавыми заборами из сетки-рабицы, бунгало и даже крафтсман³, окруженные темными шпильями хвойных деревьев.

– Хорошо. Это хорошо. Только предупреди их, что ты можешь периодически не выходить на связь. У меня дома не очень хороший прием сети Wi-Fi, а во время бурь сигнал вообще пропадает. Им лучше присылать задания заранее, чтобы ты не отставала за время таких простоев.

Глянув на него, замечаю, как он отвлекается от дороги и

³ Американский стиль для загородного жилья, характеризующийся обилием дерева и других натуральных материалов в отделке, мебели, предметах быта и декора, необычной низкой сложноскатной крышей, мансардными окнами, подержкой крыши над крыльцом колоннами.

встречается со мной взглядом. Я киваю.

– Кто знает... – размышляет Джейк вслух. – Возможно, ты бросишься наутек после недели, проведенной в коттедже. Потому что...?

Он шутит, склонив голову набок:

– Поблизости нет торговых центров или кофеен с карамельным маккиато.

Отвернувшись, бормочу:

– Я не пью карамельный маккиато.

С его стороны резонно предположить, что мне, вероятно, будет некомфортно жить с ними или что я соскучусь по своему домашнему «образу жизни», но намекать, будто я примадонна, неспособная к существованию без «Старбакса», – грубо. Думаю, можно поблагодарить телевидение за то, что весь остальной мир считает калифорнийских девушек дурочками из долины⁴ в коротких топиках, однако это не так. Мы сильные, нас закалили засухи, пожары, землетрясения, схождения селей и то, что одна пятая часть всех серийных убийств страны приходится на нашу территорию.

К счастью, после этого Джейк какое-то время едет молча. Вот впереди виднеется городок. Я различаю деревянные скульптуры и главную улицу с квадратными зданиями, стоящими вплотную друг к другу с обеих сторон дороги. Лю-

⁴ Социально-экономический стереотип, описывающий ветреных, легкомысленных девушек верхушки среднего класса, живущих в долине Сан-Фернандо и проявляющих больший интерес к материальным ценностям, чем интеллектуальным.

ди слоняются по тротуарам, разговаривают друг с другом. На фонарных столбах висят горшки с цветами, что придает этому местечку притягательно старомодный, ухоженный вид. Подростки сидят на откидных бортах своих пикапов, припаркованных у обочины. Все магазинчики и забегаловки явно семейные, никаких сетевых гигантов.

Подняв взгляд, вижу большой навесной баннер, когда мы проезжаем под ним.

«Летний фестиваль копченостей Чапел-Пик! 26–29 августа».

Чапел-Пик...

– Это не Теллерайд, – говорю я, посмотрев на Джейка.

– Я сказал, мы живем за пределами Теллерайда, – поправляет он. – Далеко-о-о-о за пределами Теллерайда.

Так даже лучше, вообще-то. Теллерайд – знаменитый горнолыжный курорт со множеством магазинов и фешенебельных ресторанов. Тут будет по-другому. Я *хочу* чего-то другого.

Мимо мелькают торговые лавки. *Кафе «Гринд Хауз». Почта Портера. Магазин мороженого «Веселая вишня»...*

Повернув голову, разглядываю маленький магазинчик с навесом в красно-белую полоску и едва не улыбаюсь.

– Магазин сладостей...

На вывеске написано «Бунтарские вкусности». Очень в духе Дикого Запада.

– У тебя есть водительское удостоверение? – интересуется

Джейк.

Я поворачиваюсь лицом к дороге и киваю.

– Хорошо. – Мужчина делает паузу, и я чувствую, что он смотрит на меня. – Не стесняйся пользоваться любыми машинами, только предупреждай, куда собираешься, ладно?

Любыми машинами. Он имеет в виду свою и машины сыновей? Где они, кстати?

Не то чтобы я ожидала увидеть их в аэропорту, но мысль, что они не очень-то обрадовались моему визиту, раз не приехали меня встречать, немного нервирует. Еще один неучтенный мной аспект. Парни жили в уютной, переполненной тестостероном мужской берлоге, и вдруг появляется девчонка, в присутствии которой, как они думают, им теперь придется следить за своими грязными шуточками.

Конечно, сегодня четверг. Может, сыновья Джейка просто на работе.

Кстати...

– Чем вы занимаетесь?

Он бросает взгляд в мою сторону.

– Вместе с сыновьями я делаю байки для мотокросса на заказ, – отвечает Джейк. – Квадроциклы, багги для езды по песку...

– У вас есть мастерская в городе?

– Хм?

Кашлянув, повторяю громче:

– У вас есть... своя мастерская в городе?

– Нет. Мы принимаем заказы, собираем их в домашнем гараже, а затем отправляем готовый продукт, – поясняет он.

Я не сдерживаюсь и еще раз смотрю на него. Массивная фигура Джейка едва умещается на сиденье, мышцы загорелых предплечий напрягаются, пока он удерживает руль. Полная противоположность моего отца, который ненавидел находиться на улице и всегда носил рубашки с длинным рукавом, разве что спал не в них.

Джейк смотрит мне в глаза.

– Скоро начнет поступать большое количество заказов. Дел хватит на всю зиму. Весной доставим байки клиентам, как раз к началу сезона.

Значит, они работают на дому. Втроем.

Они постоянно будут поблизости.

Глядя вперед, рассеянно потираю руки и слышу свой учатившийся пульс, отдающийся в ушах.

Даже в «Бринморе» родители договорились, чтобы мне выделили отдельную комнату без соседки. Я предпочитаю одиночество.

Нет, я не отшельница и способна общаться с учителями, участвовать в дискуссиях, люблю познавать мир и заниматься чем-то новым, просто мне необходимо личное пространство, позволяющее перевести дух. Тихое место, где можно расслабиться. Ведь мужчины такие шумные. Особенно молодые. Мы все время будем сидеть друг у друга на головах, если они работают дома.

Закрыв глаза на мгновение, я внезапно сожалею о том, что согласилась приехать. Зачем я это сделала?

Одноклассницы ненавидели меня, потому что принимали мою молчаливость за высокомерие.

Но дело не в этом. Мне просто нужно время. Только и всего.

К сожалению, мало кому хватает терпения, чтобы дать мне шанс. Эти парни сочтут меня грубиянкой, как и девочки в школе. Почему я намеренно втянула себя в ситуацию, требующую обязательного знакомства с новыми людьми?

Я стискиваю челюсти и сглатываю, заметив краем глаза Джейка, который пристально смотрит на меня. Как долго он наблюдал за мной?

Моментально придаю лицу нейтральное выражение и стараюсь замедлить дыхание. Прежде чем успеваю уткнуться в свой телефон в попытке замаскировать едва не развившуюся паническую атаку, Джейк резко поворачивает руль влево, делает полный разворот и движется в обратном направлении.

Чудесно. Он везет меня в аэропорт. Я уже его напугала.

Мужчина разгоняется по главной улице. Сжимая ремень безопасности у себя на груди, смотрю, как Джейк минует два светофора, вновь дергает руль влево и паркуется на обочине. Мое тело накрывается вперед от внезапной остановки. Не дав мне шанса проанализировать происходящее, Джейк глушит мотор и выскакивает из пикапа.

Хм...

– Идем, – окликает меня он, окинув взглядом, после чего захлопывает дверцу.

Выглянув в лобовое, вижу черную вывеску с золотой надписью «Бунтарские вкусности» в викторианском стиле.

Он привез нас в магазинчик сладостей.

Не снимая с себя сумки, я вылезаю из машины и следую за ним по тротуару. Джейк открывает дверь – колокольчик звякает, – пропускает меня вперед и тоже заходит.

Пьянящий аромат шоколада и карамели ударяет в ноздри, и я моментально пускаю слюнки. Кроме горсти черники, нехотя проглоченной утром перед вылетом, я больше ничего не ела.

– Йоу, Спенсер! – выкрикивает Джейк.

Откуда-то слышится грохот сковородок, потом хлопок – похоже, духовку закрыли.

– Джейк Ван дер Бонг! – Из-за стеклянной стены, вытирая руки, выходит мужчина и направляется к нам. – Как, черт побери, поживаешь?

Ван дер Бонг? Я мельком бросаю взгляд на Джейка.

Он улыбается мне.

– Не обращай на него внимания. Я никогда не курил. То есть больше не курю. Это в далеком прошлом. – Затем с улыбкой поворачивается к хозяину магазина. – В очень далеком и скверном прошлом.

Парни смеются, обмениваясь рукопожатием. Похоже, они ровесники. Незнакомец на несколько сантиметров ниже ро-

стом, с растрепанными каштановыми волосами, в красно-синей фланелевой рубашке.

– Спенс, это моя племянница Тирнан, – сообщает ему Джейк.

Мистер Спенсер переводит глаза на меня и протягивает руку.

– Племянница, хм? – Его взгляд полон любопытства. – Тирнан. Красивое имя. Как дела?

Ответив на рукопожатие, отрывисто киваю.

– Пусть она выбирает все, что захочет, – говорит Джейк.

– Не стоит, все в порядке. – Я качаю головой.

Однако он вскидывает бровь, словно предупреждая.

– Если сама не наполнишь пакет, он сделает это за тебя, и там будет только черная лакрица с мятными палочками.

Я рефлекторно морщу нос. Второй мужчина прыскает от смеха. Черная лакрица пусть катится к чертовой матери.

Джейк подхватывает пластиковый пакет и начинает наполнять его ирисками, пока я стою, прикованная к месту из гордости. Это моя самая большая проблема. Не люблю выполнять распоряжения других людей.

Но запахи сахара, соли и теплого шоколада, исходящие от духовок, кружат голову. С удовольствием бы попробовала.

– Чего ждешь, де Хаас? – слышу слова своего дяди.

Я моргаю.

Он закрывает банку с ирисками и перемещается к мармеладным червям, мимолетно глянув на меня, а я смотрю на

него. Обращение ко мне по фамилии должно было произвести эффект игривости. Однако из его уст... прозвучало бес-
тактно.

Выдохнув, подхожу к пакетам и беру себе один, заявив:
– Я сама за них заплачу.

Взгляд Джейка уже направлен в другую сторону.
– Как пожелаешь.

Открыв пакетик, я инстинктивно миную шоколад и сворачиваю к менее калорийному мармеладу, насыпаю персиковых колец, арбузных долек, голубых акул. Добавляю немного драже и кислых Sour Patch Kids, зная, что все равно не стану их есть.

Я бездумно перемещаюсь к следующему контейнеру и загребая совочком что-то красное. «В желейных рыбках полно кукурузного сиропа, пищевых красителей и добавок», – сказала однажды моя мама. Раньше мне нравилось, как они жуются, правда, я не лакомилась этими конфетами с тринадцати лет. С тех времен, когда была готова отказаться от всего, лишь бы она меня ценила. Может, если бы я питалась и красилась подобно ей, покупала сумки «Прада» и «Шанель», носила безвкусное уродство, созданное «Версаче», она бы...

Замотав головой, не хочу заканчивать эту мысль и накладывая себе две пригоршни с горкой. Джейк появляется рядом, запускает руку в банку.

– Я их тоже люблю, – говорит он, забросив две рыбки в рот.

– Йоу, проходимец! – кричит Спенсер.

Джейк смеется. Я опускаю взгляд, закрываю контейнер крышкой и завязываю свой пакетик.

– Пакет стоит семь девяносто пять, что бы ты ни выбрала, поэтому наполняй до краев. – Обогнув меня, Джейк двигается к следующим контейнерам с конфетами.

Семь девяносто пять. Почти столько же, сколько стоила бутылка швейцарской воды, в которой купалась моя мать. Он совершенно не похож на моих родителей. Как так получилось?

Шагая вдоль двух прилавков, прохожу мимо стенда с шоколадными изделиями и снова сглатываю слюну, представляя, каково все это на вкус.

– Готова? – Джейк идет к кассе.

Я следую за ним, бросаю свой пакет на стойку. Опасаясь, что мужчина попытается заплатить за мою покупку, сразу же достаю деньги. Спенсер, видимо, все понимает, потому что пробивает чек после секундной заминки. Оплатив покупку, я пачусь назад и уступаю место Джейку.

Рассчитываясь с ним, хозяин магазина смотрит на меня.

– Надолго... удержишься на пике? – спрашивает он внешне нерешительным тоном.

На пике?

– Да, возможно, до следующего лета, – отвечает мой дядя.

На лице у мужчины мелькает тень опасения, его глаза мгновенно сосредотачиваются на Джейке.

– Не беспокойся, – смеется тот, вручая наличные. – Мы защитим ее от могучих и ужасных стихий природы.

– Разве тебе когда-либо удавалось контролировать Каллеба? – выхватив деньги из руки приятеля, парирует Спенс.

Каллеб. Один из сыновей Джейка. Я смотрю на него, но он отмахивается, просто встретившись со мной взглядом и покачав головой.

Джейк забирает сдачу и свои конфеты, затем мы направляемся к выходу.

– Спасибо, – благодарю я Спенсера.

Он кивает, наблюдая за нами, отчего я чувствую еще большую нервозность, чем до визита в магазин.

Когда садимся в пикап, дядя трогается с места и едет дальше. На фоне голубого неба лепестки розовых петуний, висящих на столбах, трепещут на ветру. Молодые мужчины в футболках без рукавов перетаскивают какие-то мешки с погрузочной платформы магазина кормов в свой грузовичок. Готова поспорить, все здешние жители знают друг друга по именам.

– Это не Теллерайд, – объясняет Джейк, – но с меня хватит больших городов.

В этом соглашусь с ним. По крайней мере, на какое-то время.

Торговые ряды заканчиваются, машина пересекает железнодорожные пути и оказывается на асфальтированной дороге с плотной стеной вечнозеленых деревьев вдоль обочин,

постепенно взбираясь на возвышенность.

Шоссе сужается. Глядя через лобовое стекло, я замечаю, что деревья становятся все выше, блокируют все больше лучей вечернего солнца. Мы углубляемся в лес, оставляя город позади. Несколько гравийных и грунтовых дорог ответвляются от основной. Я всматриваюсь в темную даль, только ничего не вижу. Они ведут к другим земельным участкам? Домам?

Мы продолжаем подниматься на гору. Двигатель ревет, Джейк кружит и преодолевает изгибы трассы. Внизу город уже совсем пропал из виду. Солнце сияет сквозь ветви, слепит глаза. Моргнув, ощущаю, как пикап съезжает с асфальта на грунт. На кочках машину изрядно потряхивает. Упершись одной рукой в приборную панель, смотрю на дорогу, окаймленную пихтами. Подъем длится еще минут двадцать.

– Путь неблизкий, – говорит Джейк. Небо тем временем тускнеет все сильнее. – Если захочешь выехать в город, попроси меня или одного из моих сыновей тебя сопровождать, ладно?

Я киваю.

– Не хотелось бы, чтобы ты застряла на этой дороге одна после наступления темноты, – добавляет он.

Да, мне тоже. Джейк не шутил, сказав, что место уединенное. Лучше запастись всем необходимым, ведь быстро сгонять в магазин за молоком, сахаром или сиропом от кашля не получится.

Мужчина сворачивает направо и взбирается по крутой гравийной подъездной дорожке. Щебенка шуршит под колесами. Я постепенно различаю постройки впереди. Видимость хорошая благодаря пробивающимся через кроны лучам солнца, клонящегося к закату.

– Дорогу, по которой мы сейчас ехали, зимой полностью заносит снегом, – сообщает мой дядя, и я вижу, что он смотрит на меня, – ландшафт скалистый, покрывается льдом. В течение нескольких месяцев нас отрезает от города. Мы свозим тебя в магазин сладостей за припасами до начала снегопадов.

Проигнорировав шутку, выглядываю в окно. По мере приближения пытаюсь разглядеть здания в сумерках, но деревья мешают. Что-то похожее на конюшню, пара сараев, несколько конструкций поменьше, скрытых в чаще, а потом...

Джейк наконец-то направляет пикап на ровную поляну и останавливается перед домом со множеством окон. В некоторых горит свет. Мой взгляд мечется влево, вправо, вниз и вверх. Я не могу разобрать детали, однако дом огромный – трехэтажный, с двухъярусной опоясывающей верандой.

Меня посещает чувство облегчения. Когда он упомянул коттедж, я мгновенно представила «хижину, предназначенную для выживания при конце света, с минимумом самых необходимых вещей». Больше думала о безлюдной местности подальше от Л.А.⁵, чем о потенциальной вероятности то-

⁵ Лос-Анджелес (англ.).

го, что согласилась жить в лачуге. Лишь по прилете я стала беспокоиться о своем поспешном решении; о том, на какую авантюру подписалась. Мне не нужен интернет, но я надеялась хотя бы на внутренний водопровод.

«*Похоже*, – я не свожу глаз с дома, все еще сидя в машине, пока Джейк выбирается наружу, – *нам повезло*».

После секундной заминки я открываю дверь и тоже вылезаю из пикапа, прихватив рюкзак. Может, я погорячилась. Может, не о чем беспокоиться. Здесь тихо, как я и надеялась. Сделав вдох, ощущаю свежесть воздуха, запах воды и камней, отчего по рукам пробегают мурашки. Приятно пахнет. Напоминает поход к водопаду Вернал в парке Йосемити, организованный в летнем лагере несколько лет назад.

Джейк берет оба чемодана. Несмотря на то что на улице немного прохладно, я оставляю пуловер завязанным на талии и следую за дядей по деревянным ступенькам. Фасад первого этажа практически полностью состоит из окон, поэтому можно заглянуть внутрь. Внизу – просторная гостиная с высоким потолком, в основном однотонная, отделанная коричневым деревом, кожей, с рогами животных на стенах и коричневыми коврами, хотя я также различаю элементы из натурального камня.

– Привет! – выкрикивает мужчина, войдя в дом и поставив чемоданы на пол. – Ной!

Я тихо закрываю за собой дверь.

К нам выбегают шоколадный лабрадор и сухопарый чер-

но-белый пес с остекленелыми черными глазами. Джейк наклоняется и гладит обоих, оглядываясь по сторонам.

– Есть кто? – снова кричит он.

Подняв взгляд, вижу два уровня балок. Потолок с одной стороны скошен влево, а в районе кухни – вправо. Стен почти нет, гостиная, столовая, прихожая и кухня сливаются друг с другом. Уединиться негде.

Однако тут просторно.

– Да, я здесь! – отзывается мужской голос.

Из кухни выходит молодой парень, сжимая в каждой руке по бутылке пива, и качает головой.

– Боже правый. Гребаная Шони опять сбежала. – Он подходит ближе и, судя по всему, собирается вручить отцу одну из бутылок, но останавливается, увидев меня.

Его русые волосы зачесаны назад под бейсболкой, надетой задом наперед. Разница в возрасте у нас явно небольшая: возможно, ему двадцать или двадцать один. А вот тело у парня... Он широкоплечий, в темно-зеленой футболке, не скрывающей сильных загорелых рук. Его ясные голубые глаза округляются, уголок рта приподнимается в полуулыбке.

– Это Ной, – представляет нас Джейк. – Мой младший.

Мне требуется пара секунд, после чего я протягиваю ему руку. Вместо того чтобы пожать ее, он просто отдает одно пиво.

– Привыкай. Мы тут много пьем.

Конденсат смачивает мою ладонь. Я смотрю на Джейка.

Забрав бутылку, он спрашивает у сына:

– Где твой брат?

– До сих пор там, – отвечает Ной, не сводя с меня глаз.

– Ясно.

Там? Начинаю гадать, что это значит, но отбрасываю эту мысль и вытираю ладонь о джинсы, по-прежнему ощущая взгляд Ноя на себе. Почему он пялится?

Вновь встречаюсь с ним взглядом. На сей раз он улыбается по-настоящему. Должна ли я что-то сказать? Или он должен? Полагаю, это странно. По сути, мы двоюродные брат и сестра. Мне полагается его обнять или типа того? Будет грубо, если я этого не сделаю?

Какая разница.

– Как долго ты искал лошадь, прежде чем махнул на это рукой? – спрашивает у парня Джейк.

Ной широко улыбается и пожимает плечами.

– Моя логика такова: если мы ее не найдем, то она больше никогда не сбежит.

Вскинув бровь, его отец смотрит на меня сверху вниз и поясняет:

– У нас есть молодая кобыла, которой постоянно удастся каким-то образом выбраться из стойла. – Затем он снова переводит взгляд на сына с таким видом, будто тема уже избитая. – Только лошади дорого стоят, поэтому ее нужно найти.

Парень поднимает свое пиво, пятясь назад.

– Просто вернулся подзаправиться. – Пристально глядя

мне в глаза, он направляется в заднюю часть дома и производит: – Если пойдешь в душ, побереги немного горячей воды для меня.

Ной минует большой каменный камин, пересекает длинный коридор. В итоге я слышу, как захлопывается moskitная дверь. Он собирается искать лошадь сегодня?

– Уже стемнело, поэтому я устрою тебе экскурсию утром, – говорит Джейк, пройдя вправо, – но кухня здесь. – Он огибает кухонный островок.

Я остаюсь на месте.

– Разумеется, бери все, что захочешь, – поясняет мужчина, встретившись со мной взглядом. – Мы будем частенько наведываться в город, пока погода не испортится через пару месяцев, поэтому можем запастись любой едой, которая тебе нравится. К тому же сделаем кое-какие консервы. – Он закрывает дверцу холодильника, видимо, оставленную открытой его сыном. – Большую часть своей пищи мы стараемся добывать охотой, либо ловим, либо выращиваем.

Теперь понятно, почему я заметила сарай и теплицу среди хозяйственных построек. Как можно меньше полагаться на продуктовые магазины – это разумно, ведь снежные заносы изолируют их на довольно долгие промежутки времени.

Джейк жестом показывает, чтобы я шла за ним, и открывает смежную дверь.

– Стиральная и сушильная машины стоят в гараже, – сообщает он, включив свет, после чего спускается по короткой

лестнице. В ярком свете я вижу еще один пикап, красный.

Мой дядя поднимает плетеную корзину для белья с цементного пола и бросает ее на сушильную машинку. Сделав шаг, я что-то замечаю краем глаза и останавливаюсь на верхней ступеньке. Справа висит туша оленя, подвешенная за задние ноги. Под ней вокруг водостока собралась небольшая лужа крови. Рога животного слегка покачиваются где-то в тридцати сантиметрах от пола.

Какого хре...? У меня отвисает челюсть, пока я на него пялюсь.

Вдруг передо мной на лестнице возникает Джейк.

– Как я сказал... выращиваем, ловим, убиваем. – Судя по тону, выражение моего лица его позабавило. – Ты ведь не вегетарианка, да?

Он уходит, не дав мне шанса ответить. Я пячусь из гаража, возвращаюсь в дом и закрываю дверь. Нет, я не вегетарианка, однако у меня возникает мысль, что я никогда не встречала свое мясо до того, как оно стало мясом.

Несколько раз сглатываю, чтобы смочить свой пересохший рот.

– Гостиная, ванная, телевизор, – указывает Джейк, когда я иду следом за ним. – У нас нет кабельного, зато полно дисков с фильмами. Ты можешь пользоваться потоковыми сервисами, пока интернет не вырубится.

В гостиной я вижу кожаные диваны в рустикальном стиле, кофейный столик и кресла. Камин настолько большой, что в

нем можно спрятаться, а дымоход тянется вверх и исчезает между балками. Дерево и кожа повсюду. Здесь пахнет, словно в Home Depot⁶. С легкой примесью подгоревшего бекона.

– Хочешь подключить Wi-Fi? – интересуется мужчина.

Напоминание о том, что я останусь на связи с миром, заставляет меня остановиться на мгновение.

Но если откажусь, он будет гадать о причинах.

– Конечно, – отвечаю я.

– Сеть называется «Кобра Кай»⁷.

Я бросаю на него взгляд. *Мило.*

Включив поиск доступных сетей, я нахожу «Кобра Кай», единственную в списке.

– Пароль?

Какое-то время Джейк молчит, затем произносит:

– Человек, нападающий на вас, – враг. А враг не заслуживает...

Я сдерживаю себя, едва не покачав головой, и печатаю: «НикакойПощады». Через несколько секунд соединение установлено.

Джейк подходит ко мне, смотрит на мой телефон. Обнаружив, что пароль правильный, впечатленно кивает.

– Можешь остаться.

⁶ Американская торговая сеть, являющаяся крупнейшей на планете по продаже инструментов для ремонта и стройматериалов.

⁷ Американский телесериал с элементами драмы, комедии и боевых искусств, основанный на фильме 1984 года «Парень-каратист».

Он стоит слишком близко. Я втягиваю носом воздух и делаю шаг назад, оглядываюсь по сторонам. Куда дальше? Он не двигается с места, наблюдая за мной. В его глазах что-то мелькает, но мужчина молчит. Как и я, он, вероятно, задается вопросом, какого черта я здесь забыла; что ему делать со мной целую неделю, а то и год, до моего отъезда?

– Ты голодна?

– Устала.

Джейк кивает, будто только вспомнив, что мои родители умерли два дня назад. И что я сегодня пересекла четыре штата.

– Конечно.

Однако я даже не думаю об этом. Просто мне сейчас нужно побыть одной.

Взяв мои чемоданы, он поднимается на второй этаж. Я иду за ним. Перила огибают квадратную лестничную площадку. Остановившись на мгновение, поворачиваюсь кругом. С каждой стороны расположено по несколько комнат – всего семь или восемь. Здесь легко заблудиться.

– Моя спальня. – Мужчина указывает на темно-коричневую деревянную дверь прямо перед нами, потом быстро перечисляет по порядку: – Ванная, комната Ноя, а эта – твоя.

Он ставит чемоданы у двери в угловой части площадки. В тусклом свете кованой железной люстры почти невозможно различить планировку, но в данный момент мне плевать.

Вдруг у меня возникает мысль, что мой дядя показал толь-

ко свою и наши с Ноем комнаты.

– У вас есть еще один... сын. Я забрала его спальню? Больше комнат не осталось. Я ведь не притесняю их?

Джейк лишь поворачивает голову и кивает вправо, в сторону задней стены с одной дверью. Единственной дверью между моей спальней и ванной.

– Спальня Калеба на третьем этаже, – поясняет он. – Там больше нет комнат, поэтому экскурсия не понадобится. Хотя оттуда открывается отличный вид. Очень просторно, много воздуха. Ему нравится свободное пространство. – Мужчина вздыхает; его слова отягощены грузом досады. Когда Джейк открывает дверь моей спальни, обе собаки вбегают туда, опережая нас. – Имей это в виду при встрече с ним и ничего не принимай на свой счет.

Я замираю на секунду. Любопытно, о чем он, однако люди то же самое говорят обо мне. Снова бросив взгляд назад, я предполагаю, что за дверью скрывается лестница, раз, по словам Джейка, комната находится на третьем этаже. Кaleb наверху? Его брат упомянул, что он до сих пор «там».

Дядя заносит мои чемоданы. Войдя следом, слышу щелчок выключателя. Свет от лампочки внезапно наполняет спальню.

У меня в груди сразу же разливается тепло, я почти улыбаюсь.

Здесь хорошо.

Не то чтобы я ожидала многого, но комната уютная и ла-

коничная. Даже собственный камин есть. В стене напротив – раздвижные двери. Кровать, шкаф, мягкое кресло – все древесных тонов. Пространства более чем достаточно, чтобы расхаживать туда-сюда или посидеть на полу, как я часто люблю делать.

Меня тянет зевнуть, глаза слегка слезятся.

– Полотенца здесь, – сообщает Джейк из коридора. – Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится.

Он делает шаг вперед, заполняет собой дверной проем, а я стою посреди спальни.

– Сойдет?

Кивнув, бормочу:

– Тут красиво.

Чувствую на себе его взгляд, из-за чего мои мышцы напрягаются.

– Ты не очень разговорчива, верно?

Я смотрю на него.

Мужчина улыбается.

– Мы это исправим.

Удачи.

Джейк хватается за ручку и начинает закрывать дверь.

– Вы ненавидели моего отца. – Мои слова заставляют его остановиться. – Не так ли?

Он выпрямляется, не сводя с меня глаз.

– Не будет ли мое присутствие доставлять вам неудобства... дядя Джейк?

Если он ненавидел моего отца, не стану ли я напоминанием о нем?

Взгляд мужчины буквально пронизывает. Он отвечает ровным тоном:

– Я не вижу твоего отца, когда смотрю на тебя, Тирнан.

Не до конца понимая, что это значит и должно ли сказанное принести облегчение, я замираю.

Ты очень похожа на свою мать. В аэропорту Джейк упомянул о нашем с ней сходстве. Значит, он видел ее, когда смотрел на меня? Он это имел в виду?

Его глаза темнеют. Джейк трет большим пальцем свою ладонь, после чего сжимает кулак.

Я прикована к полу; мой желудок словно проваливается куда-то.

– И тебе не обязательно называть меня дядей. Ведь я все равно тебе не родня, да?

Прежде чем я успеваю ответить, он цокает языком, подзывая собак. Как только они выходят, Джейк закрывает дверь, оставив меня одну.

Я стою как вкопанная. Под кожей словно пробегают электрические разряды. Один телефонный звонок, перелет в эконом-классе через четыре штата, и спустя столько времени до меня наконец-то доходит... Я совершенно не знаю этих людей.

Глава 3

Тирнан

Зевнув, я чую аромат свежесваренного кофе, выгибаю спину и потягиваюсь на кровати.

Проклятье. Мне дерьмово спалось.

Я тянусь к прикроватной тумбочке за телефоном, чтобы посмотреть, который час, но моя рука ничего не нащупывает – просто проваливается в пустоту.

Что?

Именно в этот момент я замечаю жесткость нового постельного белья. Скрип кровати. Подушку, совершенно не похожую на перьевую, к которой привыкла моя шея.

Моргнув, вижу на потолке бледные лучи утреннего солнца, пробивающиеся в мою комнату сквозь стеклянные раздвижные двери. Не мою комнату, вообще-то.

Я приподнимаюсь на локтях. Голова кружится. Еле держу веки открытыми и снова зеваю.

Все наваливается на меня разом. Что произошло. Где я. Как я, действуя бездумно и скоропалительно, сбежала. Неопределенность, от которой немного сводит живот, ведь все вокруг такое незнакомое.

То, что мне не нравится вся эта ситуация; то, как я забыла, насколько не люблю перемены.

То, как он смотрел на меня вчера.

Наострив уши, слышу треск ветвей, раскачиваемых порывами ветра, и завывание этого ветра в дымоходе.

Никаких приглушенных разговоров, доносящихся из офиса моего отца с шестью плоскими телевизорами, которые он включал, готовясь начать свой день. По лестницам не бегают свита стилистов и ассистентов, помогающих моей матери привести себя в порядок. Она не выходила из дома без макияжа и укладки.

Не звонят телефоны, не режут газонокосилки садовников.

На мгновение меня охватывает тоска по дому. Незванные образы всплывают в памяти. Теперь мои родители лежат на холодных металлических носилках. Их засовывают в холодильники. Отец с синюшной кожей, мать с мокрыми волосами и без косметики. Все, чем они жили – благодаря чему их знал мир, – исчезло.

Я лежу, оцепенев, и жду, когда появится ощущение жжения в глазах и болезненный спазм в горле.

Жду слез.

Желаю, чтобы они пролились.

Но этого не происходит. И данный факт беспокоит меня больше, чем смерть родителей.

Есть слово, которое характеризует людей, не испытывающих угрызений совести, не способных на сочувствие, демон-

стрирующих явное асоциальное поведение.

Я не социопат. То есть я плакала во время битвы за Винтерфелл в «Игре престолов»⁸. Однако не проронила ни одной слезинки – ни разу – после смерти обоих родителей?

По крайней мере, в этом городе всем плевать на меня и на то, каким образом я справляюсь с их гибелью. Мираи – единственная из моего окружения, кто способен понять.

Вдруг я моргаю, едва меня осеняет.

– Мираи...

Черт. Я сбрасываю с себя одеяло, встаю с кровати, иду к комоду, где заряжается телефон. Подхватив его, включаю и вижу список уведомлений – в основном пропущенные звонки от ассистентки моей матери.

Проигнорировав записи автоответчика, набираю ее номер, попутно обратив внимание, что сейчас на западном побережье еще и шести утра нет, и подношу мобильник к уху.

Она берет трубку практически мгновенно.

– Мираи, – произношу я прежде, чем она успевает что-нибудь сказать.

– Тирнан, хвала небесам.

Мираи тяжело дышит, словно бежала к телефону или только проснулась.

– Извини, у меня звук был отключен, – объясняю я.

– Ты в порядке?

⁸ Американский телесериал в жанре фэнтези, основанный на цикле романов «Песнь Льда и Огня» Джорджа Р. Р. Мартина.

– Со мной все нормально.

Озноб пробегает по рукам, поэтому я открываю свой чехол, достаю черную толстовку и буквально жонглирую телефоном, пока пытаюсь натянуть ее на себя.

– Значит... ты останешься? – спрашивает женщина после короткой паузы. – Ты ведь знаешь, что не обязана. Если дом неудобный или тебе непривычно...

– Я в порядке. Дом хороший, а хозяин... – Умолкнув, я подбираю следующие слова. Какой он? – Гостеприимный.

– Гостеприимный, – повторяет Мирай с явной подозрительностью.

Прокашлявшись, я меняю тему и задаю вопрос:

– Как там обстановка в мире? От меня что-либо требуется?

– Просто позаботься о себе. – Я замечаю, как она меня перебивает. – Больше не стану тебе надоедать. Звони мне, если захочешь – я бы этого хотела, – но впредь буду только присылать эсэмэски время от времени, интересоваться, как ты. Мне лишь хочется, чтобы ты на время забыла о происходящем здесь, ладно? Я со всем разберусь.

Я окидываю взглядом комнату, в которой спала, благодарная за то, что она в моем полном распоряжении. У меня хотя бы есть собственное место, где я могу побыть в одиночестве.

Однако от мысли, что придется отсюда выйти и столкнуться с новыми людьми, в животе все переворачивается, и я...

Так и тянет сказать: *«Забронируй мне обратный билет до-*

мой, Мираи».

Но я этого не делаю.

Джейк, похоже, согласен оставить меня в покое и не оказывать особого давления, а Ной дружелюбный. Слишком дружелюбный.

И мне только предстоит встретиться с Калемом – еще одним незнакомцем.

Я подхожу к раздвижным дверям, нуждаясь в глотке свежего воздуха.

Меня меньше всего должно беспокоить то, что думают и говорят люди о моем отсутствии дома – что они думают и говорят о моих родителях, – но ничего не могу с собой поделать. Внезапно отдаление и неосведомленность о текущих событиях кажутся не самым лучшим выбором. Я наивно спряталась в глуши у черта на куличках, где пахнет лошадиным навозом и разлагающимися тушами оленей, положившись на парня, которого мой отец ненавидел.

Прижимая телефон к уху плечом, распахиваю двери.

– Мне следует приехать на...

Едва створки широко раздвигаются, я умолкаю из-за представшего передо мной вида.

У меня отвисает челюсть. Я вдруг чувствую себя крошечной.

– Ты должна делать только то, что нужно тебе, – отвечает Мираи.

Но я с трудом разбираю ее слова. Устремив взгляд впе-

ред, замороженная, выхожу на широкую деревянную террасу. Вчера в темноте я не заметила этих просторов.

Сердце колотится в груди.

Значит, это и есть «пик». Мне и в голову не приходило, что город неспроста получил свое название.

Вдалеке, над кронами деревьев под моим балконом, открывается прекрасный вид на гору. Серый гранитный пик, окруженный зелеными соснами и увенчанный белыми облаками, кажется зловещим. Картина настолько красивая, что у меня на миг перехватывает дыхание.

Просто невероятно.

Он как на ладони. Словно собор на фоне голубого неба. Не сдержавшись, я поднимаю руку и тянусь к нему, будто хочу поймать, но мои пальцы хватают лишь утренний воздух.

Я вдыхаю запах сырых камней, который ощущается даже на таком расстоянии, и он полностью вытесняет воспоминания о вонии мертвого животного. Пахнет свежестью, водой и землей. Закрыв глаза, снова делаю вдох.

Волоски на моих руках встают дыбом.

Я должна уехать сейчас. Не хочу привыкать к этим ароматам, потому что вскоре они перестанут быть особенными.

– Если захочешь присутствовать, значит, приезжай, – продолжает Мираи, словно мне все еще есть дело до того, что мы обсуждали. – Если нет, думаю, никто не усомнится в том, что единственная дочь Ханнеса и Амелии де Хаас слишком потрясена смертью *обоих* родителей, чтобы посетить их по-

хороны.

Я открываю глаза. Отчасти меня тянет улыбнуться. Отчасти я разочарована в себе, потому что знаю: я не уеду. По крайней мере, не сегодня. Поднимаю взгляд и смотрю на пик, не желая пока расставаться с этим видом.

Сглотнув, вспоминаю о Мираи.

– Спасибо. Я подожду несколько дней, подумаю, как поступить.

До похорон еще дня четыре-пять. Люди со всех концов света должны добраться до Калифорнии, к тому же нужно все скоординировать и организовать. У меня есть время.

– Я люблю тебя, Тирнан.

После этих слов я замираю. Она единственная, от кого я их слышу.

На меня накатывают воспоминания – только сейчас я обращаю внимание на вещи, которых не замечала прежде.

Сколько раз Мираи, а не мать или отец, звонила мне в школу, спрашивала, нужно ли мне что-нибудь. Все подарки под рождественскими елками и открытки ко дню рождения, которые покупала и подписывала она, а не мои родители. Все фильмы категории «18+», на показы которых я бы не попала без нее. Путеводители, которые Мираи оставляла в моей сумке, потому что знала, как я люблю их читать.

Первую пару длинных сережек мне подарила она.

И я просто киваю, мать твою, потому что только на это и способна.

– Дыши, хорошо? – добавляет Мирай.

– Пока.

В горло словно иглы вонзаются; я сбрасываю вызов и продолжаю любоваться шикарным пейзажем. Легкий ветер колышет мои волосы, воздух, переполненный ароматами дикой природы, пьянит подобно наркотику.

Где-то дятел стучит по дереву. Ветер покачивает осины и сосны. Травяной настил темнеет по мере углубления в чашу, где уже ничего не разглядеть.

Они ходят в горы? Джейк, Ной и Калерб? Забредают дальше в лес? Тратят время на прогулки?

Громкий рев бензопилы нарушает тишину, и я моргаю. Чары рассеиваются. Развернувшись, бросаю телефон на кровать, подхожу к одному из своих чемоданов, откуда достаю косметичку, затем иду к двери, сжимаю ручку и медленно ее поворачиваю. Она скрипит, заставляя меня вздрогнуть. Моим родителям не нравился шум по утрам.

Я тихо выхожу в мрачный коридор. Темный деревянный пол и панели тускло освещены лишь двумя бра и минималистичной люстрой. На цыпочках минуя спальню, которую Джейк вчера назвал своей, направляюсь к следующей двери. Когда тянусь к ручке, дверь вдруг распахивается, в коридор проливается свет, и передо мной предстает практически голая молодая женщина. Растрепанные темно-рыжие волосы обрамляют ее лицо, спадают чуть ниже обнаженных грудей.

Господи... Я отворачиваюсь. Какого черта? Она жена мо-

его дяди? Он не упоминал, что женат, однако и обратного не утверждал.

Бросив очередной мимолетный взгляд на девушку, замечаю, что она улыбается, скрестив руки на груди.

– Извините, – говорит незнакомка.

Плоский подтянутый живот, гладкая кожа, на пальце нет кольца – это не его жена. И точно не мать мальчиков. Понятия не имею, сколько лет Калебу, но Джейк сказал, что Ной младший, а она слишком юна, чтобы иметь взрослых сыновей.

Вообще-то, похоже, что эта девушка старше меня всего на несколько лет. Возможно, подруга одного из парней?

Она просто стоит на месте, и мой шок начинает трансформироваться в раздражение. *Ты подвинешься или как?* Мне нужно войти.

– Разница между пиццей и твоим мнением заключается в том, что пиццу я хотела, – произносит девушка.

Запнувшись, я поворачиваю голову и смотрю на нее. Ее взгляд направлен на мою толстовку. Я опускаю глаза и замечаю надпись, которую она прочитала.

Девушка хихикает и выскальзывает из ванной, обогнув меня. Пospешив внутрь, я уже собираюсь закрыть дверь, но спохватываюсь и выглядываю в коридор. К сожалению, мне удастся услышать лишь щелчок замка – я не успеваю разглядеть, в какой комнате она скрылась.

Вернувшись в ванную, я умываюсь, чищу зубы и развя-

зываю ленту, которой собираю волосы каждую ночь, чтобы они не лезли в лицо. Мать начала так делать много лет назад после того, как ей сказали, что это полезнее для волос, чем резинки.

Поэтому я по какой-то причине тоже стала заплетать волосы лентами.

Расчесавшись, все так же тихо открываю дверь и с опаской выглядываю в коридор на случай, если мне встретится очередной голый незнакомец. Полагаю, отрадно знать, что мое появление не нарушило стиль их жизни.

Я никого не обнаруживаю, мчусь в свою комнату и улавливаю аромат кофе, поднимающийся с первого этажа. Он-то меня и разбудил. Заправив постель, надеваю джинсы, топ с длинным рукавом, после чего начинаю разбирать чемоданы, но, достав стопку футболок, останавливаюсь.

Ведь я могу и не задержаться здесь. Решив подождать, кладу футболки обратно и закрываю чемодан.

Еще восемь секунд стою посреди комнаты, однако, сколько бы я ни тянула, все равно не смогу придумать себе занятие, чтобы отсрочить встречу с новоиспеченными родственниками. Я выхожу из спальни, шумно выдохнув, закрываю за собой дверь и стремительно спускаюсь по лестнице с намерением скорее со всем покончить.

Но когда я вхожу в гостиную и осматриваюсь вокруг, мои плечи слегка расслабляются. Внизу никого нет. Пара ламп освещает просторное помещение. Я перевожу взгляд влево,

в сторону кухни, слабо освещенной несколькими светильниками над центральным островком. Там тоже пусто. Хотя на кофеварке заметен красный индикатор. Шагая к ней босиком, я поглядываю по сторонам в поисках парней, беру кружку с сушилки для посуды и наливаю себе кофе.

– Доброе утро.

Я подсказываю, едва не выронив кружку. Несколько капель проливаются через край и обжигают мой большой палец. Зашипев, я оборачиваюсь через плечо. Джейк входит в кухню и открывает холодильник.

– Доброе утро, – бормочу в ответ, вытирая горячую жидкость со своей кожи.

– Как спалось? – спрашивает он.

Снова бросив взгляд назад, я вижу, как мужчина достает себе напиток. Его руки, шея и спина уже блестят от пота, а футболка свисает из заднего кармана джинсов. Сейчас около семи утра. Как рано они встают?

– Нормально, – бурчу я, отрываю бумажное полотенце и вытираю остатки кофе. Вообще-то спала я хреново, но честный ответ лишь вызовет больше вопросов, поэтому легче солгать.

– Хорошо, – отвечает Джейк, просто стоя на месте, и я буквально чувствую его взгляд на себе.

Взяв еще одно бумажное полотенце, продолжаю вытирать деревянную стойку.

– Достаточно тепло было? – допытывается он.

Чего? Я вопросительно смотрю на него.

– В твоей комнате прошлой ночью? – поясняет мужчина. –

Тепло было?

Его светлые волосы, промокшие от пота, липнут ко лбу и вискам.

Кивнув, я вновь отворачиваюсь.

Только Джейк не уходит.

У меня появляется желание вздохнуть, ведь в такие моменты люди обычно ожидают, что я постараюсь поддержать беседу.

Кухня словно сжимается в размерах, молчание становится все более оглушительным, слышно лишь карканье птиц где-то вдалеке. Пока я пытаюсь придумать тему для разговора, секунды неловкости тянутся, отчего мне хочется сбежать.

Внезапно он приближается, и я настороженно выпрямляюсь. Его грудь почти касается моей руки. Я собираюсь сдвинуться, но он протягивает руку передо мной, выключает кофеварку и говорит, овеяв дыханием мою макушку:

– Я просто согревал его для тебя.

Сердце начинает колотиться сильнее. *Согревал?..* Ох, кофе. Джейк оставил кофеварку включенной.

– У тебя красивые руки, – подмечает он.

Я смотрю на кисти своих рук, обхвативших кружку.

– У твоего отца тоже были красивые руки, – добавляет мужчина. От моего внимания не ускользает его язвительный тон.

Я хмрю брови. Это насмешка?

– У моего папы были красивые руки, – задумчиво повторяю, не глядя на него, и делаю глоток. – Значит, настоящие мужчины пользуются бензопилами и пикапами вместо ручек Montblanc и сотовых телефонов?

Повернув голову, бросаю взгляд на Джейка. Он прищуривает свои голубые глаза.

– Ну, теперь он мертв, – говорю я. – Ты победил.

Он опускает подбородок, уставившись на меня, и я замечаю, как играют его желваки. Я отворачиваюсь, снова отпивая кофе.

Несмотря на личную неприязнь между ним и отцом, оскорблять сироту – последнее дело. Манеры никто не отменял. Этот парень ведет себя по-свински.

Правда, в животе все равно разливается тепло, и я делаю очередной глоток, стараясь скрыть свою нервозность.

Я чувствую потребность вступить в спор.

Помимо грусти, злость была моим постоянным спутником в детстве. Потом злость уступила место безразличию. И я совсем забыла, насколько приятно отвлекаться на свои эмоции. Мне нравится то, что я не испытываю к нему симпатии.

– Ладно! – выкрикивает кто-то и заходит в кухню, судя по звуку шагов. – Я ухожу.

По-прежнему ощущая на себе взгляд Джейка, я оглядываюсь и вижу, как обнаженная девушка – теперь одетая – подходит к моему дяде с коричневым кожаным рюкзаком на

плече и обвивает рукой его шею. Когда она льнет к нему, он все еще продолжает смотреть на меня, однако после секундной заминки наконец-то поворачивается к ней и позволяет себя поцеловать.

Значит, это его женщина. Я рассматриваю гладкую кожу ее лица, затененную козырьком бейсболки, упругое, подтянутое тело. Она ему далеко не ровесница.

Парни не так уж оторваны от цивилизации, как я думала. По крайней мере, до тех пор, пока погодные условия не ухудшатся.

Кончик ее языка проскальзывает Джейку в рот на долю секунды, потом девушка отстраняется. Вернувшись к своему кофе, я ощущаю непонятное раздражение. И часто сюда будут наведываться посторонние?

– Увидимся вечером? – спрашивает она.

– Может быть. – Он умолкает, после чего повторяет: – Может быть.

Похоже, девушке такой ответ не понравился.

Снова поцеловав его, незнакомка уходит. Я выдыхаю, радуясь, что Джейк не представил меня еще одному человеку.

– Не хочешь мне помочь? – интересуется он.

Подняв взгляд, я забываю вопрос, который собиралась задать. Сын Джейка очень похож на отца. Вчера я даже не поняла насколько.

Копна белокурых волос на голове, растрепанных после сна. Ленивая полуулыбка. Неизменная искорка юмора в гла-

зах. Сколько ему лет? Отцу было сорок девять, а Джейк младше. Это все, что я знаю.

С сыновьями, которым по меньшей мере двадцать... вероятно, Джейку слегка за сорок?

Разумеется, он может оказаться старше. Ему часто приходится бывать под солнцем, к тому же мужчина держит себя в форме. У моего отца не было лишнего веса, но он выглядел совершенно иначе.

Я вновь смотрю вперед и отпиваю кофе.

– С чем помочь?

– Увидишь, – отвечает Джейк. – Обуйся.

Он уходит, позвав с собой Дэнни и Джонни. Спустя мгновение собаки следуют за ним в гараж, и я едва не закатываю глаза. Его собак зовут Дэнни и Джонни? Еще одна отсылка к фильму «Парень-каратист»⁹.

Сделав пару глотков остывшего кофе, выливаю остатки в раковину, разворачиваюсь и иду в свою спальню.

Надев обувь, я хватаю мобильник, сую его в задний карман, но сразу же достаю, смотрю на него и, засомневавшись лишь на миг, выключаю, после чего ставлю на зарядку.

Закрыв за собой дверь, направляюсь к лестнице. Когда прохожу мимо комнаты сына – того, с которым познакомилась, – на секунду прислушиваюсь, гадая, проснулся ли он уже. Однако ничего не слышу.

На террасе я замедляюсь, изучая панораму при свете дня,

⁹ Американский фильм 1984 года.

и перевожу взгляд вправо. Отсюда заметна только вершина пика, выступающая среди крон деревьев.

Я глубоко вдыхаю и никак не могу насытиться запахом древесины и хвои. Мои глаза закрываются на секунду, волоски на руках встают дыбом из-за прохлады – только меня это не беспокоит.

Дом окружают деревья с необъятными стволами. Вглядываясь в затемненные глубины леса, внезапно ощущаю острое желание отправиться на прогулку. Готова поспорить, тут можно бродить часами, не встретив при этом ни души.

Передняя терраса огромна, такая же широкая, как сам дом, наполовину накрыта навесом, с деревянными креслами-качалками и садовыми качелями. Перед ней стоят два пикапа, за которыми пологий склон вновь сменяется обширным лесным массивом, а где-то внизу виднеется город.

То есть я думаю, что это город. Грунтовая дорога, ведущая к их участку, проходит в том направлении. Что находится за домом, я пока не знаю. Скорее всего, тоже лес.

Справа вижу идущего по подъездной дорожке Джейка. Он останавливается возле лестницы, надевает свою футболку и спрашивает:

– Умеешь ездить?

На лошадях или?..

Я просто киваю, предположив, что он имеет в виду лошадей.

– Умеешь стрелять?

Отрицательно качая головой.

– Ты способна отвечать, не используя кивки и однословные предложения?

Я смотрю на него. Мне не привыкать к подобным вопросам.

Не дождавшись ответа, он лишь качает головой и усмехается, затем жестом зовет меня за собой.

Спустившись с террасы, я пересекаю небольшой двор. В редком зеленом газоне местами встречаются земляные проплешины и лужи. Я в бирюзовых балетках Tiekс, и штанины джинсов промокают из-за росы в высокой траве, пока я направляюсь к амбару. Серая древесина потрескалась и гниет у основания. Двери верхнего яруса распахнуты, а нижние закрыты. Прежде чем мы добираемся до входа, Джейк сворачивает влево и открывает дверь пристройки пониже. Я переступаю порог вслед за ним и сразу же чую знакомый запах животных. Это конюшня.

Он направляется к третьему стойлу, распахивает дверцу, в то время как я держусь позади, и выводит гнедую кобылу со светлыми пятнами на морде и ногах от колен до копыт. Она уже оседлана. Я смотрю на свои балетки, подошвы которых испачканы грязью. У меня есть кроссовки, но, если останусь, придется купить рабочие ботинки в городе. И поскорее.

Взяв поводья, Джейк выходит вместе с лошадью из конюшни. Двинувшись за ним, я замечаю присоединившегося к нам Ноя. Парень вонзает пару лопат в кучу около амбара.

– О боже, ты в порядке? – восклицает он, встревоженно уставившись на меня. – На тебя какой-то зверь напал?

Что?

Его изумленный взгляд опускается. Проследив за ним, я вижу декоративные разрывы и потертости своих темных дизайнерских джинсов-скинни, которые появились в моем шкафу несколько недель назад благодаря персональному шопинг-ассистенту родителей. Сквозь дыры проглядывает кожа бедер. Джейк тихо смеется, когда я поднимаю глаза и смотрю на дерзкую полуулыбку Ноя.

Стиснув челюсти, отвожу взгляд.

Он подтрунивает надо мной. Просто я не в настроении.

Разумеется, я уже несколько лет не в настроении, так что, полагаю, теперь это мое обычное состояние.

Я заправляю волосы за уши. Ной в конечном итоге идет дальше, плотно сжимая губы, пытаюсь не рассмеяться.

– Тирнан! – окликает меня Джейк.

Когда подхожу к дяде, он уже протягивает мне стремя. Сжав в одной руке поводья, а второй ухватившись за седло, я ставлю левую ступню в железное кольцо, поднимаюсь, перекидываю правую ногу и сажусь на лошадь. Длина стремян идеальная, Джейку ничего не нужно поправлять. Я не спросила, чем мы будем заниматься или куда поедем, зная, что особого значения это не имеет, ведь возражать все равно не стану.

Оглядываюсь по сторонам в поисках его лошади, как

вдруг он усаживается позади меня.

Что Джейк делает?

– Я же сказала, что умею ездить.

Однако он молча тянется вперед и забирает поводья. Вцепившись в рожок седла обеими руками, приподнимаюсь, насколько возможно, потому что он слишком близко. Я практически сижу у него на коленях.

Мое сердце начинает колотиться, кожа буквально зудит от нахлынувшего раздражения.

– Мне не нужна помощь.

Джейк лишь цокает языком и подстегивает лошадь. Обогнув амбар, мы минуем деревянный забор и мчимся галопом в лес. Кобыла поднимается на крутой холм под сенью деревьев, и я крепче сжимаю рожок, чтобы не сползать назад, но, несмотря на старания, все равно чувствую его тело.

Свет меркнет из-за листвы, закрывающей солнце, воздух становится прохладнее. Нечто приятное пробуждается внутри, пока я ощущаю, как работают мышцы животного под моими бедрами. Пульс еще больше учащается, что не так уж и плохо. Наоборот, даже сил придает. Джейк – словно оплот, надежно защищающий меня. Хотя бы на мгновение.

– Тебе некомфортно? – интересуется он.

Я чувствую вибрацию его голоса за спиной, однако не отвечаю.

– Тебе комфортно? – допытывается Джейк.

По-прежнему сохраняю молчание. Какая вообще разни-

ца? Он сделал по-своему, проигнорировав мои протесты. Что изменится от того, комфортно мне ехать с ним на одной лошади или нет? Ему плевать. Джейк просто хочет от меня ответной реакции.

Мужчина вздыхает напротив моего уха.

– Да, твой отец тоже умел действовать мне на нервы без лишних слов.

Но я его не слышу. Каждый сантиметр наших бедер соприкасается. Мне уютно. Безопасно.

Тебе некомфортно?

Не знаю, однако понимаю, что должно быть, наверное. Это странно. Нам не следует так сидеть.

Гнедая продолжает взбираться на холм, камни и земля вылетают из-под копыт. Оглядываясь по сторонам, я вижу дом, оставшийся внизу. Когда ландшафт выравнивается, Джейк подгоняет лошадь. Мы оба ритмично подсакиваем в седле. Он несколько раз фыркает, будто ему что-то в лицо попало, затем его пальцы вскользь касаются моей шеи. Я напрягаюсь и вздрагиваю от прикосновения.

– Сделай мне одолжение, ладно? – говорит Джейк, перебросив мои волосы через правое плечо. – По возможности старайся ходить с заплетенными волосами. У нас полно техники, которая может их зажевать.

Переняв инициативу, я приглаживаю свои пряди, чтобы они не мешали Джейку.

Остановившись на вершине, мы разворачиваемся и смот-

рим на его земли с края утеса. Джейк указывает, перечисляя:

- Водонапорная башня, амбар, мастерская... За тем холмом еще теплица есть.

Отсюда открывается полный обзор на ранчо. Дом, задняя часть которого сейчас обращена к нам, расположен в центре, слева к нему примыкает гараж – или, как выразился Джейк, мастерская. Дальше – амбар. А справа – водонапорная башня. Полагаю, где-то на участке должен быть установлен резервуар с пропаном и генератор.

Листва деревьев танцует на ветру. Какая-то птица хлопает крыльями. И вдалеке слышится тихий монотонный шум. Вода, возможно?

Джейк вновь трогается с места, продолжает углубляться в лес. Опустив взгляд, замечаю, что его пальцы, сжимающие поводья, практически лежат на моих бедрах. В кольцо его рук я не чувствую холода, несмотря на утреннюю прохладу.

- Пикап сюда не проедет, зато лошади и квадроциклы хорошо справляются. Только, прежде чем сесть за руль квадроцикла, пусть Ной даст тебе пару уроков, хорошо?

Я киваю. Однажды я провела лето в лагере экстремальных видов спорта, но Джейк все равно будет настаивать, чтобы его сын показал мне, что к чему.

Мы едем дальше. Хотя я и голодна, потому что давно не ела, и ужасно хочу еще одну чашку кофе, потому что веки свинцом наливаются из-за расслабляющего покачивания в седле, ничего ему не говорю. Здесь я ни о чем не думаю, и

это приятно. Я закрываю глаза.

Спустя несколько секунд шум воды становится громче, лошадь останавливается. Распахнув глаза, вижу, что мы стоим на краю утеса, а вдалеке...

Пик.

Сердце гроыхает. На мгновение я перестаю дышать, любясь видом без всяких помех.

Боже.

Внизу, между двух гор, с одной из которых в реку спадает высокий водопад, пролегает узкая долина, упирающаяся в пик – темно-серую скалу, окруженную зеленой растительностью. Красота.

– Нравится? – спрашивает Джейк.

В ответ я киваю.

– Тебе нравится? – повторяет он строго, и я понимаю: ему нужно, чтобы я произнесла слова вслух.

Пока продолжаю смотреть вперед, получается лишь прошептать:

– Мне очень нравится.

– Теперь ты знаешь дорогу и можешь возвращаться сюда, когда захочешь. – Я чувствую, как Джейк двигается у меня за спиной; седло немного смещается. – Но, выходя из дома, ты должна брать с собой средства защиты, поняла?

Снова кивнув, я едва обращаю внимание на то, что он говорит, и пялюсь на этот волшебный вид.

Джейк обхватывает мой подбородок, разворачивает меня

лицом к себе.

– Это очень важно, – настаивает он. – Понимаешь? Здесь не Лос-Анджелес, даже не Денвер. У нас водятся черные медведи, пумы, койоты, иногда гремучие змеи попадают... Необходимо смотреть в оба, ведь ты сейчас на их территории.

Я отстраняюсь от его пальцев и опять смотрю вперед. Вдруг Джейк что-то поднимает. Оторвав взгляд от пика, замечаю, что он держит пистолет.

Или ружье.

Мужчина открывает затвор, показывает мне длинные, заостренные золотистые патроны, после чего дергает ручку обратно, подает патрон в патронник, попутно проверяя, наблюдаю ли я.

– Видишь вон там разрушенный подвесной мост?

Всматриваясь в сторону противоположного берега реки, я обнаруживаю остатки деревянного канатного моста, свисающие со скалистых берегов.

Господи. Мое сердце пропускает удар при виде открывающейся внизу пропасти. Этот мост действительно когда-то функционировал?

Джейк вкладывает ружье мне в руки.

– Целься в него.

Сжимая длинный ствол с прикладом из темной древесины, я отчасти испытываю чувство благодарности. По крайней мере, он не хочет разговаривать.

Мой дядя из этого ружья застрелил оленя?

Я выдыхаю.

Вряд ли. У горца, наверное, целый сейф подобных штук есть.

Замешкавшись на секунду, я наконец-то поднимаю ружье, упираю приклад в плечо, обхватываю одной рукой цевье и кладу палец на курок. Закрываю левый глаз, прицеливаюсь.

– Ладно, – говорит Джейк. – Дыши спокойнее. Патрон уже в патроннике, поэтому просто найди цель и...

Я нажимаю на спусковой крючок, пуля вылетает из ствола. Оглушительное эхо разносится вокруг вместе с облаком каменной пыли, а перекладина моста раскалывается пополам. Обе части болтаются на канатах.

Порыв ветра слегка взъерошивает мои волосы. Опустив ружье, я открываю глаза. Последние отголоски выстрела затихают, умиротворяющий шелест водопада вновь наполняет воздух.

Позади меня Джейк сидит неподвижно. Я возвращаю ему оружие, затем переключаю внимание на пик. В небе парит какая-то большая птица.

Он прочищает горло.

– Что ж... я собирался предложить парням, чтобы они опустошили для тебя несколько пивных бутылок сегодня вечером, но... похоже, практика тебе не требуется. Ты же сказала, что не можешь стрелять.

– Я не могу стрелять в животных. Думала, ты это имел в

виду.

Пик огромен. И он так близко. Странное чувство – нечто настолько внушительное напоминает, что ты являешься лишь мизерной частью мира, изобилующего великолепи-ем. Так здорово созерцать и заново познавать это изо дня в день.

Джейк слезает с лошади, и я сдвигаюсь назад на седле, все еще хранящем тепло его тела.

– Я проверю наши охотничьи ловушки, домой вернусь пешком.

Опустив взгляд, смотрю ему в глаза и беру поводья.

– Начни готовить завтрак, – указывает он. – Разумеется, после того как расседлаешь лошадь.

Я непроизвольно прищуриваюсь. *Готовить?*

Помочь я не против, только почему таким способом?

– Свой вклад я внесу, но на кухне не останусь, – отвечаю, отведя взгляд. Не уверена, что больше напрягает: необходимость готовить или то, куда Джейк меня отправляет.

Пусть девчонка торчит у плиты, раз она не умеет ездить на лошади и стрелять, да?

– Ты знаешь, как ухаживать за огородом?

Уже сообразив, к чему он клонит, я выпрямляюсь.

– Полоть сорняки, поливать, удобрять? – продолжает мужчина. – Аэрировать почву? Сажать культуры? Сумеешь подготовить часть этого урожая для хранения, чтобы потом кормить лошадей и скот зимой?

Я по-прежнему избегаю зрительного контакта.

– Умеешь доить коров? – Он явно наслаждается. – Тренировать лошадей? Пользоваться бензопилой? Сможешь освежевать оленя?

Ага, ладно.

– Законсервировать фрукты и овощи? Водить трактор? Собрать мотоцикл с нуля?

Стискиваю зубы, но не отвечаю.

– Значит, займись завтраком, – усмехается Джейк. – Мы все выполняем свои обязанности, Тирнан. Если хотим есть.

Я выполню свои обязанности и даже больше, однако он мог бы попросить, а не отдавать приказы.

Повернув голову в его сторону, говорю:

– Ты мне не отец, помнишь? Я приехала сюда по собственному желанию и могу уехать, когда захочу.

Вместо того чтобы уйти или проигнорировать меня, Джейк улыбается; в его глазах мелькает озорная искра.

– Возможно, – с издевкой произносит он. – А может, я решу, что время, проведенное здесь, пойдет тебе на пользу, и никуда тебя не отпущу в конечном итоге.

Мой пульс ускоряется.

– По крайней мере, пока не увижу, как ты смеешься, – добавляет Джейк. – Или кричишь, или плачешь, или споришь, или шутишь, используя при этом что-то поинформативнее кивков и односложных ответов.

Уставившись на него, ощущаю, как глаза пылают яростью.

Он вскидывает бровь.

– Может, я решу исполнить последнюю волю твоих родителей и оставлю тебя тут до совершеннолетия.

– Я стану совершеннолетней через десять недель.

– Нас занесет снегом через восемь. – Пятясь, мужчина смеется.

На моих губах зарождается сердитый оскал.

– Пусть бекон подгорит, Тирнан, – инструктирует он, удаляясь. – Мы такой любим.

Глава 4

Тирнан

Я вешаю седло на скамейку в амбаре, и мне плевать, там ему место или нет. Джейк ведь не удержит меня здесь, если я не захочу оставаться?

Независимо от того, действительно ли он намерен так поступить, меня больше пугает то, что у него есть такая возможность. Мне казалось, я приехала сюда в качестве гостыи, а у Джейка даже мысли не возникнет воспользоваться той властью, которую он получил.

Ну, полагаю, мысль все-таки возникла. Может, он думает, что получит от меня плату за жилье.

Или решил, будто я умею хорошо готовить, только потому, что я – женщина? Нет, не умею.

Я выхожу из конюшни, направляюсь к дому, срезаю путь через мастерскую и подхожу к двери, ведущей в кухню.

Качаю головой, думая про себя: *«Я не могу вернуться домой»*.

И в «Бринмор» возвращаться не хочу. Боже, как только представляю, что придется увидеть всех, кого знаю... Я закрываю глаза. *Или снова почувствовать запах того дома.*

Мне не хватит духу. Стерильно-белые стены. Необходимость сидеть в переполненных кабинетах среди людей, с которыми я не умею разговаривать.

Живот сводит, и я останавливаюсь, прислоняюсь лбом к чему-то свисающему с потолка мастерской. Обхватив рукой боксерскую грушу, вновь закрываю глаза.

Я не могу вернуться домой.

Крепко сжимая кожу, начинаю медленно осознавать свою новую реальность.

Неважно, откуда я сбегу, куда уеду от людей, которых не желаю видеть, как изменится окружающая обстановка. Я все равно останусь прежней. Той, кто бежит, бросает, прячется...

Выхода нет.

По руке словно растекается жар. Сжав кулак и ударив по груше, я оставляю едва заметный след на кожаной обивке. Делаю это снова и снова, мои жалкие удары набирают силу, потому что у меня в голове полный хаос, я устала и в смятении... И не знаю, что делать, чтобы почувствовать себя лучше.

Втягиваю воздух сквозь сжатые зубы, наконец-то отвожу локоть назад и наношу более ощутимый удар. Цепи скрипят, но груша почти не двигается, ведь я по-прежнему удерживаю ее второй рукой.

«Может, я решу исполнить последнюю волю твоих родителей и оставлю тебя тут до совершеннолетия».

Я стискиваю челюсти, переполняемая внезапным приливом энергии. Отпустив грушу, отхожу назад и вгоняю в нее правый кулак.

«По крайней мере, пока не увижу, как ты смеешься». От злости мое тело разгорячается, и я продолжаю бить. *«Или кричишь, или плачешь, или споришь, или шутишь, используя при этом что-то поинформативнее кивков и односложных ответов».*

Ударяю вновь. И вновь.

– Нас занесет снегом через восемь, – рычу, передразнивая Джейку шепотом.

Треснув кулаком по снаряду пару раз, делаю шаг назад, после чего наношу удар ногой с разворота. И еще раз. И еще.

А потом я просто позволила ему уйти, ничего не ответив, даже когда он читал мне инструкции о том, как должен быть приготовлен его проклятый бекон. То есть, если кто-то делает для тебя что-то приятное – например, готовит завтрак, – не нужно возмущаться тем, как этот завтрак приготовлен. Просто ешь.

Господи, жаль, у меня нет веганского бекона, иначе я бы устроила Джейку сюрприз. Уголки моих губ приподнимаются, однако я подавляю свое веселье.

Над бровями выступает легкая испарина. Я продолжаю бить и пинать боксерскую грушу, прокручивая в мыслях все возможные ответы. Почему меня так беспокоит то, что последнее слово осталось не за мной?

Почему я *всегда* уступаю и не возражаю?

После очередного удара кулаком кто-то вдруг хватается грушу с противоположной стороны.

– Привет, – говорит Ной, выглядывая из-за снаряда.

Он явно забавляется. Выпрямившись, я замираю. Ной наблюдал за мной? Я разговаривала сама с собой?

Количество морщинок вокруг его глаз увеличивается, и я замечаю самодовольную ухмылку парня.

– Не останавливайся.

Темно-синяя футболка подчеркивает цвет его глаз. Та же самая бейсболка, одетая козырьком назад, покрывает волосы. Они с отцом очень похожи.

Опустив взгляд, тяжело дышу. Мышцы живота горят.

Ной продолжает меня подначивать:

– Ладно тебе. – Парень похлопывает по груше в том месте, куда пришелся мой последний удар. – Он способен взбесить даже святого. Зачем, думаешь, я грушу повесил?

Я сжимаю губы, до сих пор не двигаясь с места.

Вздохнув, он выпрямляется.

– Хорошо. Значит, ты приготовишь завтрак?

Не сдержавшись, я хмурю брови, делаю разворот и изо всех сил врезаю по снаряду ногой. Ной отшатывается в сторону за мгновение до того, как моя ступня соприкасается с обшивкой, и смотрит округлившимися глазами, подняв руки, пока я наблюдаю за раскачивающейся вперед-назад грушей.

Я не намеревалась задеть его. Это стало бы удачным совпадением.

Но мои ноги все еще напряжены. Отчасти хочется, чтобы сейчас сюда вошел мой дядя, тогда бы я попросила его поддержать грушу.

Я рассержена.

На самом деле рассерженна.

И это приятно.

Мое «я» пока никуда не исчезло.

Ной подходит ближе, хохотнув, и обвивает рукой мою шею.

– А ты дерзкая.

Я слишком измотана, чтобы отстраниться, поэтому позволяю ему увести меня в дом.

– Идем. Поможешь мне с завтраком, – заявляет парень.

Положив рядом с третьей тарелкой вилку и нож для масла, я направляюсь к шкафчику, чтобы убрать четвертую.

– Нет-нет, – говорит Ной, захлопнув холодильник и поставив на стол масло с джемом. – Оставь. Калёб может появиться в любой момент.

Я бросаю взгляд на стол, разворачиваюсь обратно и убираю четвертую тарелку.

– У Калеба и так есть место.

– Ты не будешь есть?

– Будет, – внезапно произносит Джейк, войдя в кухню. Он

открывает холодильник, достает графин сока и, налив себе стакан, ставит его в центр стола, затем садится.

– Я не голодна.

Пройдя к раковине, я ополаскиваю нож и лопатку, которые туда только что положил Ной.

– Ты не ужинала, – отмечает Джейк. – Садись.

– Я не голодна.

Прежде чем он успевает еще что-нибудь сказать, я неспешно покидаю кухню и поднимаюсь по лестнице, чувствуя на себе его взгляд. Отдаляясь от них, с каждым шагом готовлюсь к ссоре. Однако Джейк не бросается за мной вдогонку, а отпускает. Через несколько секунд я уже в своей комнате, закрываю за собой дверь.

Если честно, я ужасно хочу есть.

Голодные боли пронзают живот. К тому же яичница, которую я сделала, пока Ной подпаливал бекон, выглядела аппетитно.

К счастью, парень не настаивал на разговорах, в то время как мы готовили, но, если сяду за стол, мне придется общаться с ними. Лучше дождусь, когда они вернутся во двор, и чем-нибудь перекушу.

Телефон, лежащий на кровати, мигает зеленым светом. Я подхожу, снимаю блокировку и вижу на дисплее иконки электронной почты и социальных сетей с десятками уведомлений. В одном «Твиттере» 99+ сообщений.

В животе затягивается узел.

«Фейсбуком» я пользовалась редко, «Твиттер» казался самым эффективным ресурсом для отслеживания новостей, еще я завела «Инстаграм», поддавшись влиянию сверстников, чтобы быть в курсе жизней товарищей из летних лагерей, которых давно забыла.

Большой палец висит над иконкой «Твиттера». Знаю, не следует туда заглядывать, ведь я не готова столкнуться с наплывом информации. Но все равно нажимаю на приложение, и лента уведомлений обновляется.

«Соболезную твоей потере...» – пишет один человек.

Я листаю дальше. Встречаются записи со словами поддержки, адресованные мне лично, иногда мой аккаунт просто отмечают в беседах.

«Храбрая девочка. Держись», – пишет РыжаяБестия.

Еще одно сообщение для меня: *«Как мать могла бросить своего ребенка ради мужа? Мне жаль. Ты заслуживаешь лучшего»*.

«Заткнись, – отвечает другой пользователь на этот твит. – Ты понятия не имеешь, что творилось в их жизни...»

Я просматриваю запись за записью и вскоре теряю всякое желание проверять свои личные сообщения.

Люди орут на меня, потому что не могут наорать на моих родителей. Они орут друг на друга в беседах.

«Самоубийство – все равно убийство, а это самый тяжкий грех».

«Твое тело принадлежит Богу. Забрать у него твою

жизнь – это воровство!»

«По крайней мере, твоя мать внесла свой вклад в мировую историю», – пишет один говнюк, прикрепив к посту фото моей почти обнаженной матери из ее ранних фильмов.

Я закрываю глаза, пролистывая эти сообщения.

Разговор становится лишь отвратительнее, а участники либо слишком черствые и им плевать, либо не замечают, что я отмечена в каждом твите.

«Она даже с заявлением не выступила. Мне кажется, у нее синдром Аспергера¹⁰ или типа того».

«Ага, ты видела ее фотографии? Такое ощущение, словно она не испытывает никаких эмоций».

Затем «Великий Конспиролог» Том встречается со своей крупницей мудрости:

«Аспергером современные слабаки оправдывают то, что в наше время называли “хладнокровной стервой”».

Я не хладнокровная.

И, разумеется, остальных беспокоят незаконченные проекты отца:

«Кто теперь доснимет трилогию “Охотник за Солнцем”, раз де Хаас мертв?»

Наверное, мне следует что-то написать. Хотя бы один

¹⁰ Общее нарушение психического развития, характеризующееся серьезными трудностями в социальном взаимодействии, а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся репертуаром интересов и занятий. От аутизма отличается прежде всего тем, что речевые и когнитивные способности в целом сохраняются. Синдром также часто характеризуется выраженной неуклюжестью.

твит, несмотря на то, что этим людям, по-моему, не важно, услышат они меня или нет, однако я считаю необходимым напомнить им: за никнеймом стоит реальный человек...

Покачав головой, я снова закрываю глаза.

Не хочу, чтобы они думали, будто я не любила своих родителей.

Даже если сама в этом не уверена.

Я сглатываю и начинаю печатать.

«Спасибо вам всем за поддержку, в то время как...»

Как я... что? Оплакиваю их утрату? Мои пальцы замирают над клавиатурой, после чего я стираю написанное и начинаю заново.

«Спасибо за ваши мысли и молитвы в это сложное...»

Нет. Удаляю. Все, что я пишу, кажется неискренним. Я не умею выражать эмоции, особенно на публике. Мне бы очень хотелось обладать такой способностью. Чтобы это давалось проще. Чтобы я была другой и...

«Мне бы хотелось...» – печатаю я.

Но в голову ничего не приходит.

Колеблясь, я до сих пор ощущаю потребность высказаться, только смелости не хватает, поэтому я уничтожаю черновик и закрываю приложение.

Нажав на значок «Твиттера», перетягиваю его в корзину, потом делаю то же самое с «Фейсбуком», «Инстаграмом», «Снэпчатом» и электронной почтой. В магазине приложений удаляю все социальные сети, отрезая себя от мира. Я хочу

многое сказать, но не готова разбираться с ответами. Лучше прекратить эту пытку. Аккаунты по-прежнему существуют, я просто лишена мгновенного доступа к ним.

Подсоединив телефон к зарядному устройству, я убираю его подальше от себя. В течение следующего часа распаковываю чемоданы и делаю перестановку в комнате. Я так и не решила, останусь ли тут, однако сегодня точно не уеду, к тому же мне нужно чем-нибудь себя занять, чтобы был предлог не спускаться вниз.

Белье кладу в верхний ящик комода, в следующие – одежду для сна и тренировок, футболки. Все остальное – жакеты, блузки, рубашки, брюки, джинсы – развешиваю... Слева направо, от темных цветов к светлым.

Обувь расставляю на полу перед шкафом. Мои туфли на каблуках не увидят света в здешних местах, но я другого и не ждала. Вообще, меня вполне устраивает, что не придется ни для кого наряжаться.

Несколько журналов и книг, которые привезла с собой, я раскладываю на пустые встроенные полки, косметички, фен и утюжки аккуратно размещаю рядом со столом, после чего отношу шампунь и кондиционер для волос в ванную. Свое мыло оставляю на краю ванны, затем достаю зубную щетку и выдавливаю на нее немного пасты.

Закончив чистить зубы, убираю щетку обратно в дорожный футляр, забираю ее вместе с пастой в спальню и ставлю на прикроватный столик. Дома я хранила гигиенические

принадлежности в ванной, но только потому, что кроме меня ей никто не пользовался.

Мужчины ужасно неряшливы. Они забывают опустить сиденье унитаза, а, согласно результатам исследования, которые я однажды прочитала, мельчайшие частицы фекальных масс поднимаются в воздух при смыве. Бактерии могут попасть куда угодно. Нет уж, спасибо.

Я расчесываюсь и собираю волосы в хвост. Оглядев ванную, ищу, что бы еще сделать. Хотя что-нибудь.

Мне не хочется выходить из комнаты, к тому же завтра, возможно, опять придется собирать чемоданы, но я, по крайней мере, не думала о родителях, пока раскладывала вещи. Или пока злилась на Джейка.

Резко выдохнув через рот, все же покидаю спальню и спускаюсь на первый этаж. Из мастерской доносится звук дрели, с улицы – стук. Так как я ни черта не понимаю в конструировании мотоциклов, выхожу на крыльцо.

Слева стоит Джейк и прибивает к стене дома сайдинг, придерживая его одной рукой.

– Я могу помочь? – неохотно интересуюсь я, не глядя ему в глаза.

Он останавливается. Краем глаза вижу, что мужчина смотрит на меня.

– Иди сюда и поддержи это, – инструктирует он.

Я спускаюсь с крыльца.

Преодолев газон, приближаюсь к нему и прижимаю доску

ладонями рядом с его руками. Джейк забивает гвоздь, после чего добавляет еще два.

Когда он тянется вниз за новой доской, я следую его примеру и вдруг замечаю что-то на его талии. Футболка вновь свисает из заднего кармана мужчины, и я стараюсь рассмотреть его татуировку.

Моя Мексика. Темно-синяя надпись аркой огибает линию его талии слева, прямо над поясом джинсов.

Я держу сайдинг, пока мой дядя забивает гвоздь по центру. Обнаружив неподалеку еще один молоток, поднимаю его, тоже беру гвоздь из старой банки из-под кофе и устанавливаю острие на доску. Джейк стучит пальцем по точке на сантиметр выше.

– Сюда, – советует он и, взмахнув рукой, показывает линию гвоздей на других досках. – Равняйся на образец.

Я киваю и перемещаю гвоздь. Чувствуя на себе взгляд Джейка, начинаю постукивать молотком.

– Вот так, – говорит мужчина, потянувшись ко мне.

Но я убираю инструменты. Он сразу же отстраняется.

Устанавливаю гвоздь обратно, забиваю его в стену и случайно ударяю по краю шляпки, согнув металлическую ножку. Стиснув зубы, вытаскиваю испорченный гвоздь, тянусь за новым и пробую еще раз.

Джейк продолжает пристально смотреть на меня.

– Я ничему не научусь, если ты не дашь мне шанса.

Он отвечает с нотками юмора в голосе:

– Разве я что-то сказал?

Мы работаем молча, поднимаем одну доску за другой, забиваем один гвоздь за другим. Темп ускоряется, Джейк все реже следит за мной, вероятно, потому что я уже не замедляю его, хотя эта работа *рассчитана* на двоих. Почему Ной не помогал ему? Он в гараже, но дело двигалось бы гораздо быстрее, если бы его отец не пытался справиться в одиночку.

Слова, сказанные парнем утром, всплывают в памяти, и спустя несколько часов до меня наконец-то доходит их смысл.

Они не особо ладят, да?

Я едва не улыбаюсь, вдруг ощутив легкий дух товарищества с Ноем.

Джейк берет очередную доску; каждый из нас подхватывает свой конец, и мы устанавливаем сайдинг под предыдущим фрагментом. Когда я провожу рукой по краю в попытке взяться поудобнее, что-то острое вонзается в мою кожу. Зашипев, я бросаю доску и поднимаю ладонь, обнаружив в ней длинную толстую занозу.

Я морщусь, осторожно тяну за половину, выпирающую наружу, усиливаю давление, когда та не поддается. Боль пронзает руку. Мне нужно больше света.

Прежде чем я успеваю развернуться в сторону дома, Джейк хватает меня и осматривает щепку.

– Я сама справлюсь, – говорю ему, пытаюсь высвободиться.

Однако он пропускает мои слова мимо ушей, надавливает на кожу там, откуда торчит кусок древесины, фиксируя его, и отламывает длинный конец.

Дернувшись, я втягиваю воздух сквозь зубы.

– Кто научил тебя стрелять? – спрашивает Джейк, прощупывая оставшуюся часть занозы. – Не представляю, чтобы Ханнес занимался чем-либо на открытом воздухе, для чего не требуется яхта или гольфмобиль.

Я резко поднимаю глаза, смотрю ему в лицо. Это вторая насмешка за сегодня.

Джейк на мгновение встречается со мной взглядом, словно выжидая, что я скажу.

– Ты не грустишь при упоминании о нем.

Похоже скорее на наблюдение, чем на вопрос.

Мои плечи немного напрягаются от неловкости, ведь я понимаю, какой реакции он ожидает.

Я веду себя неправильно, и мужчина это заметил.

Отведя взгляд, слышу едва различимый пронзительный рев мотоциклетных моторов, который постепенно приближается.

– Мне не хочется говорить об отце.

– Да, мне тоже.

Он поддевает щепку большим пальцем, стараясь ее вытащить, а я отдергиваю руку.

– Перестань.

Но Джейк лишь усиливает хватку и тянет мою ладонь об-

ратно.

– Не двигайся.

Пока он возится с занозой, звук моторов становится все громче. Я замечаю группу спортивных мотоциклов, несущуюся по гравийной подъездной дорожке. Около пяти парней тормозят на площадке за пикапом моего дяди. Они снимают шлемы, хохоча. Все одеты в яркие комбинезоны, очень в стиле мотокросса. Или Суперкросса, или как там это называется.

Ной выскакивает из гаража, подходит к одному из ребят.

– Привет, чувак.

Они обмениваются рукопожатием, после чего он продолжает вытирать машинное масло со своих пальцев, расхаживая вокруг байков.

– Эй, как дела? – обращается Ной к другому парню. – Ты сегодня гонял?

Молодые люди разговаривают, а Джейк крепче сжимает мою руку, разворачивается и утягивает меня за собой в мастерскую.

Добравшись до верстака, он включает лампу и кладет мою ладонь под нее, чтобы рассмотреть получше.

– Извини, – произносит Джейк.

– Что?

Я смотрю на него.

– За колкость в адрес твоего папы, – поясняет он, по-прежнему изучая занозу. – Я сволочь. Уверен, с собственны-

ми детьми я облажался всеми возможными способами, поэтому не мне судить.

Обернувшись, я вижу Ноя, болтающего с друзьями, один из которых все еще сидит на мотоцикле и прикуривает сигарету, глядя в мою сторону.

– Ты оказалась не такой, как я предполагал, – тихо говорит Джейк.

Мой взгляд возвращается к нему.

– Сложной, – поясняет мужчина. – Непредсказуемой. Но, даже если бы я смог понять тебя, сомневаюсь, что способен утешить. – Он слабо улыбается. – Меня не огорчила их смерть, Тирнан, однако мне жаль, что ты расстроена.

– Я не расстроена, – отвечаю, вновь посмотрев на парней снаружи.

Друг Ноя со стрижкой как у члена студенческого братства и кристальными глазами продолжает пялиться на меня. У него на губах играет озорная улыбка, пока он курит. Это Каллеб?

Я чувствую на себе взгляд Джейка.

– Не хочу говорить о своем отце, – заявляю я, прежде чем он продолжит.

Вдруг боль пронзает мою руку, будто от укуса паука. Зашипев, смотрю ему в глаза.

Какого черта? Больно было!

Сердито уставившись на него, я забываю о занозе и на мгновение перестаю дышать.

Тепло разливается по шее. Джейк тоже смотрит на меня, зло, сосредоточенно, но... в то же время растерянно. Будто пытается разгадать.

У него глаза не голубые, как я сначала подумала, в отличие от Ноя. Они зеленые. Словно летняя трава.

В открытые двери гаража дует ветер. Разговоры и смех, доносящиеся с улицы, кажутся такими далекими. Прядь волос, выбившаяся из моего хвоста, взлетает и касается губ.

Взгляд Джейка опускается к моему рту, и я перестаю дышать. Меня окутывает теплом.

Капля пота стекает по его шее. Волоски на моих руках встают дыбом, едва подсознание регистрирует его обнаженную грудь.

Мы слишком близко.

Я...

Я сглатываю; во рту сухо, как в пустыне.

Наконец он моргает несколько раз, затем подносит мою ладонь к своим теплым губам и пробует высосать занозу.

У меня немного отвисает челюсть, когда его зубы покусывают застрявшую щепку, продолжая щекотать кожу.

Подушечки моих пальцев ерзают по щетинистой щеке мужчины.

Я сама справлюсь. Мне не нужна твоя помощь.

Только у меня не получается произнести все это вслух.

– О черт, – произносит кто-то.

Переключив внимание со своего дяди, замечаю, что Ной

разглядывает чей-то байк.

Парень с обложки журнала вновь смотрит в мою сторону.

– Кто это? – интересуется он у Ноя.

Проследив за его взглядом, тот видит меня, однако не отвечает.

– Держись подальше от местных парней, поняла? – предупреждает Джейк.

Я смотрю на него.

– Если заведешь бойфренда, все равно не сможешь с ним встречаться, когда дороги занесет снегом. К тому же они не в твоём вкусе.

– С чего ты взял?

– С того, что я сказал – они не в твоём вкусе, – парирует он. – Я дам тебе знать, если появится подходящий.

Какой неандерталец. Ради всего святого.

Не желая препираться, помалкиваю. Парня я не ищу, но в состоянии сама о себе позаботиться. Сыновья Джейка выросли под его неусыпным надзором, я же привыкла принимать решения самостоятельно.

– Им скучно, – заявляет он. – Когда тебе скучно, ты жаждешь только двух вещей. А пива навечно не хватит.

Ну, и чем они отличаются от других моих сверстников? Я в курсе, что интересует подростков. И чего хотят мужчины от женщин. Я не какой-то хрупкий лепесток розы.

Джейк продолжает покусывать мою ладонь, отчего в животе все трепещет.

Факт в том, что я сейчас живу с тремя здоровыми, вполне молодыми мужчинами, также относящимися к «местным парням», от которых он меня предостерегает.

– Значит, вас здесь скука не одолевает за зимние месяцы? – дразню я тихо. – Когда запасы пива подходят к концу?

Его глаза сужаются, он улавливает мой намек. Разве Джейк и его сыновья лучше? Много еще голых женщин будет околачиваться в ванной?

Он наконец-то цепляет и вынимает занозу, но я не свожу с него глаз, хоть мне и больно.

Опустив мою кисть, Джейк проводит пальцем по маленькой ране.

– Все в порядке. – Я убираю руку, вытерев каплю крови.

– Сожалеешь, что приехала?

Удивительно, данный вопрос не застает меня врасплох. Наверное, потому что я не побоялась бы проявить грубость, если бы ответ был отрицательным.

– Не знаю, – говорю честно.

Счастливой себя не назову, только я не была бы счастлива ни дома, ни в «Бринморе». Возможно, нигде. Приехав сюда, я не планировала обрести счастье, так что это не играет особой роли.

Выглянув из гаража, замечаю, что все парни заводят моторы и разворачивают свои мотоциклы. Ной отступает, явно не собираясь к ним присоединиться.

– Тебе здесь нравится? – настаивает Джейк.

– Я не знаю, – повторяю еще раз.

– Где бы ты предпочла оказаться?

Понятия не имею. Зачем он хочет знать? Я не...

Встретившись с ним взглядом в итоге, покусываю уголок своего рта.

– Я не хочу быть... – Умолкнув, я пытаюсь подобрать слова. – Не хочу быть...

Предложение звучит так, словно оно законченное. Словно это мой ответ. *Я не хочу быть.*

Он смотрит на меня, и в его глазах пробуждается осторожность.

– Я больше нигде не хочу быть, – произношу быстро.

Несмотря на свои ошибочные представления об этом месте, я не предполагала, будто трое одиноких мужчин захотят вести сентиментальные беседы. Этот парень, похоже, стремится найти общий язык, чем меня раздражает.

Повернувшись, я иду к выходу как раз в тот момент, когда мотоциклы уезжают прочь.

– Сделай сэндвичи, пожалуйста, – раздается мне вслед оклик Джейка. – Положи их в холодильник, чтобы можно было перекусить на ходу. Неважно, какие. Мы не привередливы.

Мы не привередливы.

Я возвращаюсь в дом, направляюсь на кухню и распаиваю обе дверцы холодильника, после чего проверяю отсек

для овощей и морозилку, мысленно составляя список доступных продуктов.

Он не дает мне сидеть сложа руки. Я должна быть благодарна. И назначает обязанности по дому, не требующие каких-либо разговоров. Готовить я люблю и могу слушать музыку в одиночестве.

К тому же сэндвичи делать не трудно.

Постукивая пальцами по ручкам, держу холодильник открытым. Не знаю. Джейк просто выводит меня из себя, он как будто чересчур наслаждается тем, что получил опеку над мной. Родителям было плевать, даже если бы я устраивала оргии в своей спальне, главное, чтобы компромат потом не всплыл в «Снэпчате».

А этот парень...

Он уже бахвалится своим превосходством. Впрочем, оргии – или мужчины в частности, по крайней мере, на данный момент, – меня не интересуют. Я много лет воспитываю сама себя, и теперь мне придется пойти на попятную. Джейк слишком многого просит. Мне семнадцать лишь по документам.

Черт, почему он хочет ланч прямо сейчас? Они позавтракали час назад.

От этой мысли в животе урчит. Пошатнувшись, прижимаю руку к животу.

Я не завтракала.

И со вчерашнего утра ничего не ела, кроме ягод.

Достав мясную нарезку, соусы и листья салата, принимаюсь за дело. Собираю сэндвичи, один из которых откусываю по кусочку, чтобы хоть что-то попало в желудок, потом разрезаю их по диагонали, кладу треугольники на большую тарелку. В ящике островка нахожу пищевую пленку, накрываю блюдо и убираю в холодильник.

Я не уверена, хватит ли им этого на ланч, но от меня они больше ничего не получают. Спрошу-ка у Джейка, не нужно ли съездить в город за продуктами. Мне не мешает развеяться.

Собираясь закрыть холодильник, я замечаю, как капля воды падает на стеклянную полку над ящиком для овощей. Наклоняюсь и кладу руку в маленькую лужицу воды.

Холодильник протекает.

Заглянув вглубь камеры, пытаюсь найти источник протечки и вижу, что компрессор обледенел.

Выпрямившись, я покусываю уголок рта. Стоит ему сказать? Уверена, Джейк в курсе.

На стойке лежит их iPad. Я беру его, включаю. Всплывает окошко для пароля. Рискнув предположить, сразу же ввожу «НикакойПощады». Блокировка снимается.

Проверив модель холодильника, открываю YouTube и нахожу видеоролики. Достаю все продукты, отодвигаю машину от стены, наваливаясь всем весом, отключаю питание. Затем, подобрав инструменты в мастерской и следуя инструкциям, очищаю компрессор, устраняю протечку в трубке и собираю

все обратно. На это уходит час. Не знаю, будет ли он работать и как сильно разозлится Джейк, если я сделала только хуже, однако у богатства есть свои плюсы. Я просто куплю ему новый холодильник.

Внезапно на меня находит озарение, и я замираю с отверткой в руке. А я могу купить ему новый холодильник? В плане того, что несовершеннолетним нельзя наследовать деньги. Опекуны распоряжаются капиталом по доверенности до тех пор, пока наследник не достигнет легального возраста.

Получается, технически все мое наследство в полном распоряжении Джейка. Если родители не открыли трастовый фонд, что их дальновидный адвокат вполне мог сделать...

Должна ли я беспокоиться? Деньги никогда меня не волновали, но лишь потому, что их всегда было вдоволь. Как бы я ни разглагольствовала, если не смогу заплатить за колледж, это многое изменит. Родители искренне доверили ему меня и мое благосостояние или... других кандидатов просто не нашлось? Я понятия не имею, можно ли доверять Джейку, однако в их способности действовать в моих интересах определенно сомневаюсь.

Все мое будущее во власти этого парня.

По крайней мере, еще на десять недель.

Невзирая на учатившийся пульс, я погружаюсь в размышления и продолжаю работать – прикручиваю крышку компрессора, снова включаю устройство в розетку. Холодильник оживает, тихо жужжа, в камеру снова поступает хо-

лодный воздух. Неплохо для начала.

– Ты сама это сделала? – спрашивает кто-то.

Обернувшись, вижу Ноя, стоящего у островка. Он без рубашки, потный и запыхавшийся, смотрит на iPad, который я установила на стойке.

Направив взгляд туда, где раньше подтекало, парень замечает, что сейчас все сухо.

– Хорошая работа. Мы собирались заняться ремонтом.

Прежде чем отвернуться, еще раз мельком оглядываю Ноя – на его груди и торсе нет татуировок. Не знаю, почему это кажется мне странным. Может, я думала, раз у его отца есть одна, то и у Ноя должна быть.

Я складываю продукты обратно в холодильник. Услышав снаружи приглушенный гул какой-то машины, предполагаю, что это Джейк.

– Ну, и когда тебе исполнится восемнадцать? – интересуется парень. Он смотрит на меня, прислонившись бедром к островку.

– Первого ноября, – отвечаю я, не отрываясь от дела.

– Уедешь после этого?

Бросив на него взгляд, не сразу понимаю, что Ной имеет в виду.

Я вообще могу не оставаться. Разве отец не сказал ему, как предоставил мне выбор во время нашего телефонного разговора?

– Я бы уехал, – предлагает он. – Уехал бы в мгновение ока.

Ты здесь, хоть и не обязана быть. А я обязан, но не хочу.

– Тут не хуже, чем в любом другом месте, – говорю тихо, расставляя соусы на полке дверцы.

– Почему?

– Потому что ты останешься собой, куда бы ни уехал, – возражаю я.

Остановившись, смотрю на парня. Его промокшие от пота волосы спадают на глаза, кепка свисает с пальцев. Он до сих пор выглядит озадаченно.

– В Кливленде полно счастливых людей, как и в Париже, – поясняю. – И не меньше несчастных.

– Ага, что ж, я бы предпочел быть несчастным на пляже.

Я прыскаю от смеха, не сдержав улыбку. Даже хихикаю, правда, быстро отворачиваюсь и подавляю свое веселье.

Через мгновение Ной оказывается рядом и ставит на полку соусы A.1. и Heinz.

От его пристального взгляда в животе все переворачивается.

– У тебя красивая улыбка, кухня. Если удержишься у нас, я буду чаще тебя веселить.

О господи. Ну разве он не очарователен?

Пропустив его слова мимо ушей, заканчиваю заполнять холодильник, и мне плевать, что все в беспорядке. Ной смеется себе под нос и принимается помогать. Вдвоем мы справляемся за несколько минут.

Джейк входит в кухню и направляется к холодильнику. Я

убираюсь с дороги, пропуская его. Собрав инструменты, которые использовала, я иду в мастерскую, чтобы вернуть их на место. Вдруг слышу хриловатый голос моего дяди:

– Где сосиски?

Оборачиваюсь и вижу, что он роется на полках, где все разложено не так, как он помнит.

– На них плесень образовалась, – говорю я.

Я их выбросила вместе с некоторыми другими испортившимися продуктами.

Он смотрит на меня, и я выпрямляюсь, мой позвоночник словно превращается в стальной прут.

– Ее можно было срезать.

Срезать?

Какая гадость. Существуют разные стадии гниения. Плесень лишь помогает обнаружить самые плохие части.

– Ты времени зря не теряешь, да? – сетует Джейк, судя по всему, продолжая что-то искать. – Все расставила по-новому.

– Пап... – пытается вступить Ной, однако отец поднимается и смотрит на него.

– И где, черт побери, ты был? – спрашивает мужчина.

Немногим ранее он куда-то уходил. Ему нельзя было?

Челюсти Ноя плотно сжимаются. Вместо ответа парень качает головой и выходит из комнаты. Не знаю, завидую я ему или нет. Они с отцом тоже не ладят, но Джейк хотя бы обращает на него внимание.

Я опускаю глаза, нажимаю на экран планшета, закрыв страницу YouTube с видео про ремонт холодильников.

– Слушай, – более спокойным тоном обращается ко мне Джейк. – Не нужно из кожи вон лезть, ладно? У нас здесь все отлажено, поэтому делай то, что я прошу. Перестановка продуктов в холодильнике или шкафах, смена декора и все в таком духе нам не требуются. И не очень приветствуются, если честно. Хочешь найти работу по дому – я могу предложить кучу идей.

Я киваю.

После чего, положив инструменты на кухонную стойку, ухожу.

Этой ночью, спустя несколько часов бушующей грозы, которая началась после ужина, я резко просыпаюсь. Каждая мышца в моем теле напряжена и горит. Я сжимаю простынь в кулаках, моя грудь вздымается и опадает в такт быстрым вздохам, пот струится по шее.

Поймав ртом воздух, стараюсь вдохнуть, но пошевелиться не получается, мать твою. Пытаюсь сглотнуть. Только с четвертой попытки удастся смочить пересохшее горло.

Я окидываю взглядом комнату, изучаю окружающую обстановку. Отголоски страха все еще кружат в голове, однако я не уверена, что его спровоцировало.

В спальне темно, гром до сих пор не унимается за окнами. Капли дождя барабанят по террасе.

Медленно расправляю пальцы, отпускаю простынь и сажусь, поморщившись от боли, пронзившей плечи и шею из-за слишком долгого оцепенения.

Мне приснился сон? Я закрываю глаза, с век на уже мокрое лицо скатываются слезы. Не помню, когда начала плакать. Ничего не помню. Но я, должно быть, рыдала или кричала, потому что в горле саднит, и костяшки пальцев ноют после того, как я сжимала кулаки. Быстро глянув на дверь, с облегчением отмечаю, что она по-прежнему закрыта. Слава богу, я вела себя недостаточно шумно, чтобы всех разбудить.

Сбросив с себя одеяло, подхожу к комоду, достаю мобильник.

В детстве у меня случались ужасные приступы, истинная полночная мания: я кричала и плакала, даже глаза открывала, при этом продолжая спать. Взрослые называли это ночными кошмарами. Когда приступ заканчивался – если Ми-раи или няни помогали мне опять уснуть, – я ничего не помнила. Утром об этих эпизодах свидетельствовала лишь моя изможденность, пересохший рот и горящие от слез глаза.

Я включаю телефон.

1:15 ночи. В горле покалывает от слез, однако я их подавляю.

Родители говорили, это всегда происходило в районе 1:15 ночи. Что-то вроде внутренних часов.

Только мои ночные кошмары прекратились. Приступов не было... с класса четвертого, по-моему?

Бросив телефон обратно, опираюсь локтями на комод и хватаюсь руками за голову.

Я взрослая. Я одна.

Вновь мельком смотрю на дверь. Не хочу, чтобы они слышали, как я кричу, словно чокнутая.

Наконец-то замечаю, что болит предплечье. Опустив взгляд, вижу три красные раны в форме полумесяца и сразу понимаю, откуда они взялись. Воспоминания мгновенно возвращаются, будто это было вчера.

Я поцарапала себя во сне.

На комодѣ стоит пакетик с конфетами. Махнув рукой, сбрасываю его в мусорную корзину. Черт, что со мной творилось? Как я могла не проснуться? И что делать, если это случится, когда я буду одна в Лос-Анджелесе или в колледже, где у меня наверняка появится соседка?

Мне не следует оставаться в одиночестве.

Однако я не уверена, что должна остаться здесь с ними. Смерть родителей могла стать триггером, снова всколыхнувшим кошмары. Или причина в чем-то другом.

Глава 5

Джейк

Она не должна здесь находиться. Это ошибка.

Я ничем не смогу помочь Тирнан. Мне едва удастся контролировать собственных детей. Ной на грани того, чтобы в любой момент собрать сумку и уехать отсюда, а Кaleb...

Господи, Кaleb... Никогда не мог вообразить, какое будущее ждет этого пацана, потому что мужчины вроде него долго не живут. Он заводит чересчур много врагов.

Сбрасываю с себя одеяло. Несмотря на то, что в постели без Джулс было просторно, спал я хреново.

Пора запира́ть двери на ночь. То есть какой парень откажется проснуться в два часа ночи с оседлавшей его обнаженной двадцатитрехлетней рыжей? Но у нее это уже входит в привычку.

К тому же секс с ней не очень-то хорош.

Я тру лицо ладонями. *Не знаю.* Может, и хорош, просто мне скучно. Я не могу с ней разговаривать. Как и с тремя ее предшественницами.

И мне определенно ни к чему взваливать на себя ответственность за еще одну проблему под крышей моего дома.

Ни сейчас, ни в будущем. Я ужасный отец и уже староват для сюрпризов в виде живой у меня девушки-подростка. Пусть Ханнес катится к чертовой матери, в каком бы аду он ни горел.

Свесив ноги с края кровати, я встаю и подхватываю джинсы со стула.

Вот же сукин сын. Я не разговаривал со своим сводным братом и членами этой семейки больше двадцати лет, однако удостоился упоминания в завещании? Неужели не нашлось никого другого, кто знал его дочь и с радостью забрал бы ее к себе?

Но нет, я позвонил ей той ночью, услышал в ее голосе нечто зацепившее меня за живое и сделал необдуманное предложение.

У девчонки проблемы.

Разумеется, этим она ничуть не отличается от моих детей, только Ханнес и Амелия серьезно с ней облажались. Тирнан совершенно не оправдала моих ожиданий. Она тихая, скованная, испуганная. Понятия не имею, как с ней обращаться. Я недостаточно умен для этого. Люди вроде нее, которые не показывают свои эмоции, находят другие способы их выплеснуть.

Что же предпочитает она? Наркотики? Алкоголь? Нанесение себе порезов?

Секс?

В мыслях возникает образ тяжело дышащей Тирнан на

заднем сиденье какой-нибудь машины, с испариной на лице, липнущими к щекам волосами, закрытыми глазами, и я замираю.

Выдохнув, хватаю футболку и засовываю ее в задний карман на потом. *Пусть только попробует.* Я не обеспечу этот город новой киской. Наклонив голову влево-вправо, слышу, как шея пару раз щелкает.

Ханнесу и Амелии вообще не следовало заводить ребенка. Я никогда не понимал, чем ее родители привлекли друг друга, но дерьмо тянет к дерьму, полагаю. Потерять их – лучшее, что могло случиться с Тирнан. Мне лишь жаль, что это не произошло раньше.

Выйдя из спальни, пересекаю коридор и стучу в ее дверь.
– Тирнан.

Сейчас начало шестого. Я разминаю затекшие мышцы шеи. Не хочу ее будить, однако вчера мне не представилось шанса извиниться. Весь остаток проклятого дня она провела в своей комнате.

Только я не позволю ей прятаться здесь из-за моего свинского поведения.

Не получив ответа, стучу еще раз.
– Тирнан?

В доме царит тишина, не считая доносящейся из комнаты Ноя тихой музыки, под которую он спит.

Я приоткрываю дверь, нерешительно и медленно, чтобы не напугать ее.

– Тирнан, это Джейк, – говорю едва слышно, заглянув в комнату.

Запах девушки накатывает на меня, отчего я замираю.

Пахнет...

Кожей, влажной от дождя. Внезапно испытал чувство дежавю, вдыхая глубже. Так пахнет нежное местечко у женщины за ухом, где ее собственный аромат смешивается с запахом парфюма, шампуня и пота.

Я буквально ощущаю вкус. Всегда любил целовать ее в это место. Боже, я и забыл.

Прокашлявшись, расправляю плечи.

– Тирнан, – окликаю я, правда, получается слишком грозно. Не знаю, что вывело меня из себя.

Вхожу в спальню. Когда в поле зрения попадает кровать, вижу, что та уже заправлена. Девушка точно не спит. Сердце пропускает удар. Я распахиваю дверь шире и оглядываюсь по сторонам.

Она бы не уехала...

Лампы не горят, зато в балконные двери просачивается тусклый утренний свет. Комната выглядит так же опрятно, как до приезда Тирнан, хотя какие-то мелочи были переставлены. Ее личные вещи лежат на столе и комоде. Возле прикроватной тумбочки замечаю ее вьетнамки.

Ладно, значит, Тирнан не уехала. Да она и не смогла бы, учитывая то, в какой труднодоступной местности мы живем, но с нее станет попытаться.

Я ухожу, закрыв за собой дверь, дважды громко стучусь к Ною, проходя мимо, затем спускаюсь по лестнице. Ему тоже нужно вытаскивать свою задницу из постели. Факт, что мне до сих пор приходится выступать в роли будильника для моего двадцатилетнего сына, просто смешон.

Едва добравшись до гостиной, улавливаю аромат кофе. Все-таки не я один бодрствую. Тирнан чем-то занята за столом. Я пытаюсь рассмотреть, что она делает, направляясь к кофеварке.

Ее волосы собраны в небрежный пучок на макушке. Похоже, девушка склеивает какие-то детали.

Налив себе кофе, с трудом сглатываю.

– Спасибо, что починила холодильник, – произношу, не глядя на нее.

Вчера, когда Ной рассказал мне, почему продукты лежали не на своих привычных местах – прежде чем отремонтировать, ей сначала пришлось опустошить холодильник, – я почувствовал себя последней сволочью.

После того, как удивление развеялось, я был впечатлен. Большинство людей в нашем мире либо меняет сломавшиеся вещи, либо нанимает кого-нибудь для ремонта, не желая обременять себя необходимостью учиться чему-то новому. Даже с тем разнообразием помощи, которое можно найти в интернете.

Тирнан самостоятельная.

Не дождавшись от нее ответа, оборачиваюсь, делаю глоток

из своей кружки и медленно приближаюсь.

Судя по всему, она аккуратно склеивает разбившуюся тарелку. Это одна из наших, зеленая. Уголок моего рта приподнимается в легкой улыбке.

Серьезно, ей не стоило беспокоиться. Они дешевые, легко бьются.

Вновь смотрю на лицо девушки. Ее взгляд сосредоточен, губы сомкнуты, она дышит размеренно, словно меня нет рядом.

– Тирнан?

Она по-прежнему молчит. Господи, я будто со своими детьми разговариваю. Все подростки такие?

Сопоставив последний фрагмент, Тирнан несколько секунд держит его, после чего вытирает полотенцем излишки клея.

– Я могу помочь тебе с чем-нибудь сегодня? – вдруг интересуется она, наконец-то подняв взгляд.

А?

Выбившиеся пряди волос обрамляют ее лицо, спадают на глаза, и я опять застигнут врасплох. Я готовился к конфронтации из-за своего вчерашнего поведения, однако... Тирнан готова об этом забыть. Нужно ли мне настоять на беседе или оставить все как есть?

Провожу ладонью по голове. Без разницы. Если она упростит задачу, я не стану жаловаться.

– Да, – отвечаю, выдохнув с облегчением.

Она встает со стула, оказавшись прямо передо мной. Ее взгляд моментально устремляется к моей груди, но девушка быстро отводит глаза.

Поджав губы, я выдергиваю футболку из кармана и надеваю ее. Ханнес буквально родился в костюме, а «Бринмор» – школа с раздельным обучением девочек и мальчиков. Полагаю, Тирнан к обнаженным торсам не привыкла. Хотя здесь она наберется опыта.

– Куда ты меня отправишь? – спрашивает она с таким видом, словно готова уйти куда угодно, лишь бы подальше от кухни.

Я прячу улыбку.

– Нужно... эмм, подоить Бернадетт.

Тирнан осекается.

– Корову, – поясняю я. – Покормить лошадей, почистить конюшню. Ной покажет тебе, как это делается.

– А потом?

А потом?

Крепче вцепившись в свою кружку, опираюсь на стойку.

– У нас есть кое-какая работа в мастерской, поэтому, если захочешь приготовить завтрак... очень нам поможешь.

Вчера мне следовало попросить ее более вежливо.

Она просто кивает.

Направившись к выходу, я останавливаюсь возле Тирнан и смотрю на нее сверху вниз.

– Поджарь бекон точно так же, как вчера. Поняла?

Постояв с опущенными глазами еще несколько секунд, в итоге она встречается со мной взглядом.

– Поняла.

Я продолжаю пристально смотреть на нее.

Вот бы Тирнан улыбнулась. После всего, что с ней произошло, я этого не жду, но девушка, похоже, и без того редко улыбается.

Она симпатичная, в этом плане вынужден отдать должное ее родителям. Безупречная кожа, почти фарфоровая. Высокие скулы, впалые румяные щеки. Брови немного темнее волос, длинные ресницы и серые глаза Амелии, только более пронизывающие, потому что зрачок Тирнан окружает темное кольцо, которое она унаследовала от отца.

И все-таки большинство черт ей передалось от матери. Изящная шея, плавный изгиб талии, грациозная осанка, порой делавшая ее похожей на статуэтку. Амелия выглядела холодно, а Тирнан... глядя на нее, невольно задумываешься, как она будет изгибаться и двигаться в чьих-то руках.

Чьих-то.

Меня бросает в жар, несколько секунд я нерываю наш зрительный контакт. *Амелия и Ханнес*. Уголки моих губ дергаются от желания улыбнуться, однако я не подаю вида.

Мне не нужно, чтобы она оставалась. До лампочки, если девчонка уедет.

Правда, я *могу* запретить Тирнан уехать, если захочу.

Хотя бы ради возможности отыгаться на ней за неисся-

каемый запас обид на ее отца. Чтобы заставить отработать его долг передо мной.

Испоганить ей жизнь немного.

Заставить ее...

Тирнан облизывает свои розовые губы, и у меня перехватывает дыхание на миг.

Если бы я был человеком похуже...

Поставив чашку, я подхожу к шкафу, беру с вешалки свою бейсболку «Рокиз»¹¹ и надеваю ее. Мне нужно выбраться отсюда. Не понимаю, в какие чертовы дебри занесло мой рассудок, только это неправильно. Я несу ответственность за Тирнан. Она не мишень для расплаты. Не говоря уже о том, что девушка тихая, скучная и немного жалкая. Я не могу издеваться над тем, что не даст сдачи.

Секунду спустя я слышу шаги Ноя по лестнице. Босиком, с футболой, переброшенной через плечо, он направляется к кофеварке.

– Сегодня у нас много работы, – предупреждаю его, прекрасно зная – обычно парень выбирается на улицу минимум минут через двадцать после пробуждения.

У меня два сына, и обоих днем с огнем не сыщешь. С Каледом проще, когда он дома. А Ной здесь постоянно, но с ним просто не бывает.

– Покажи Тирнан, как убирать в конюшне и кормить ло-

¹¹ «Колорадо Рокиз» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Западном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола.

шадей.

Он кивает, не глядя на меня, и широко зевает.

Надев сапоги, я возвращаюсь на кухню и переливаю кофе в кружку-термос, чтобы взять с собой на улицу.

– Ты надела футболку? – слышу голос Ноя.

Я оборачиваюсь к ним. Тирнан кивает. Она в джинсах и блузе в деревенском стиле, не слишком нарядной, правда, белой.

– Тогда снимай свою кофту, – говорит он, сделав глоток.

Девушка хмурит брови.

– Я дам тебе другую, – поясняет парень, швырнув фланелевую рубашку через плечо на спинку стула. – Туфли тоже снимай.

Он подходит к двери мастерской, открывает ее, достает свои старые грязные резиновые сапоги, которые носил лет в тринадцать, и бросает ей.

Хорошая идея. Тирнан не захочет испортить свою дорогую одежду.

Мельком посмотрев на нее, я ожидаю увидеть неуверенность, однако она, замешкавшись лишь на мгновение, начинает медленно расстегивать блузку.

Я снова прокашливаюсь и отвожу взгляд. Ей следовало сделать это в ванной.

Краем глаза вижу, как Тирнан снимает блузку, складывает ее и вешает на стул. Она остается в чем-то белом. Ной подходит к девушке, но я не поворачиваюсь – вместо этого

выбираю себе яблоко.

И все равно мой подбородок будто кто-то тянет невидимым крюком, заставляет опять взглянуть на нее. Несколько раз моргнув, стремительно ухожу и впиваюсь зубами в яблоко.

Чушь какая-то.

Час спустя подъезжаю к конюшне на квадроцикле, нагруженном несколькими тюками сена. Мой телефон звонит.

Выудив его, замечаю номер того же штата, откуда родом Тирнан.

– Алло? – отвечаю я. Не хочу тратить время на ерунду, но это может оказаться адвокат ее родителей, так что...

– Здравствуйте. Мистер Ван дер Берг? – говорит женщина с легким акцентом. – Меня зовут Мирай Пател. Я ассистентка миссис де Хаас.

Прижимая мобильник к уху плечом, надеваю свои рабочие перчатки.

– Как у мертвой женщины может до сих пор быть ассистентка?

Она не отвечает. Я едва не улыбаюсь, потому что с успехом проявил бестактность.

– Что вам нужно? – спрашиваю я, перетаскивая сено к стене конюшни. – У Тирнан есть телефон, если хотите поговорить с ней.

– Вообще-то, я хотела поговорить с вами.

Зачем, ради всего святого?

Мисс Пател молчит несколько секунд, потом интересуется:

– Как она?

Как она? Поэтому ты мне звонишь?

– С ней все в порядке, – крихчу я и тяну следующий тук с квадроцикла.

Женщина снова умолкает, тишина затягивается. Я беру сотовый в руку, готовый сбросить вызов. Мне некогда.

– Слушайте, не знаю, каким образом сказать это, чтобы избежать неловкости, – наконец произносит она, – поэтому просто скажу прямо.

Отлично. Бросив взгляд в сторону входа, вижу над бортом стойла головы Ноя и Тирнан, взбивающих сено.

– Я бы хотела, чтобы Тирнан вернулась домой, – заявляет Пател.

Тирнан вольна уехать, когда пожелает. Я не заставлял ее сюда приезжать.

И в то же время кем эта женщина себя возомнила, раз указывает мне, что делать с *моей* племянницей?

Мираи Пател продолжает:

– Заставить ее я не могу, и она, вероятно, разозлится на меня из-за разговора с вами, но...

– Но?

– Я беспокоюсь о ней. Она неразговорчивая. И то, как ее родители ушли из жизни, не дало Тирнан возможности раз-

решить проблемы в отношениях с ними. Мне хочется поддержать ее. Я боюсь, что все те чувства, которые она копит в себе, рано или поздно вырвутся на волю.

– Вырвутся на волю?

Кто эта женщина? Ей хватает надменности думать, будто я не справлюсь? Я, конечно, могу не справиться, только она этого не знает.

– Уверена, вы обратили внимание, что она тихая.

И? Если тихий ребенок – это все, с чем мне предстоит иметь дело, тогда, возможно, я обладаю всем необходимым для этого опытом.

– И вы думаете, что можете лучше ее воспитать? – спрашиваю я.

– Я думаю, что вы ее не знаете. А я знаю.

Крепче сжимаю трубку.

Незнакомка, с которой я ни разу не встречался, о которой даже не слышал до сегодняшнего дня, заявляет права на ребенка моего брата и ждет, что подобный разговор пройдет удачно?

– А я думаю, в случае передачи вам опеки над Тирнан вы получите контроль не только над ее эмоциональным состоянием, но и финансовым. Я прав, мисс Пател?

Она не отвечает, и я улыбаюсь. Зачем еще постороннему человеку взваливать на себя ответственность за несовершеннолетнюю сироту? Баснословно богатую сироту.

Однако затем женщина произносит уверенным тоном:

– Я имела доступ к ее финансам с тех пор, как начала работать на родителей Тирнан десять лет назад. Мне можно доверять. Заслуживаете ли доверия вы?

Мои глаза сужаются.

– Только задумайтесь, что все эти миллионы сделают для вашего бизнеса, мистер Ван дер Берг.

Я с такой силой стискиваю свои проклятые зубы, что челюсть пронзает молниеносная боль. Вот, значит, как она думает? Да я скорее спущу эти деньги в гребаный унитаз.

– Место Тирнан... – в итоге цежу я, – рядом с ее семьей.

– Место Тирнан рядом с тем, кто ее любит.

– Наш разговор окончен.

Я опускаю телефон, но останавливаюсь, вдруг вновь услышав ее голос.

– Раньше она постоянно просыпалась в районе часа ночи, – сообщает Пател. – Словно по часам, но без будильника. Вы знали об этом, мистер Ван дер Берг?

Я сохраняю молчание, не уверенный, правду ли она говорит. Мне претит тот факт, что эта женщина может обладать информацией, которой нет у меня.

– Вы в курсе, почему это происходило? – продолжает дразнить она.

Глянув на Тирнан, замечаю, как та выскакивает из стойла, накрыв нос и рот ладонью в попытке сдержать рвотные позывы из-за запаха. Ной похлопывает ее по спине, тихо хохоча. Внезапно девушка шлепает его по руке, отчего он сме-

ется сильнее.

– Вам не кажется, что ее «семья» должна бы знать об этом, – с издевкой усмехается Пател. – До свидания, мистер Ван дер Берг.

После этого на линии повисает тишина.

Уставившись на секунду на дисплей, перевожу взгляд на Тирнан. Они с Ноем обмениваются колкостями. Он с широкой улыбкой на лице не отдает ей грабли, которые она пытается забрать. В итоге девушка хватает их и марширует обратно в стойло.

Я улыбаюсь сам себе. Тирнан сильнее, чем считает эта женщина. Может, Мираи Пател и заботится о моей племяннице, однако она провела с ней десять лет. И что хорошего это дало девчонке? Пател упустила свой шанс.

Вытащив платок из заднего кармана, я складываю его в треугольник и иду в конюшню, где нахожу Тирнан, согнувшуюся пополам. Она ворошит сено. Ее волосы, собранные в хвост, торчат из отверстия бейсболки, явно одолженной Ноем.

– Эй. – Я дотрагиваюсь до ее спины.

Тирнан резко выпрямляется, разворачивается и врезается в мою грудь.

Протянув платок, указываю на лицо девушки.

– Он чистый. Поможет бороться с запахом.

Собираюсь помочь ей повязать его, но она качает головой.

– Я в порядке.

Я тихо смеюсь. Ничего другого и не ждал.

– Почему ты такая упрямая?

Я подхожу к ней сзади и завязываю платок, прикрыв ее рот и нос, прежде чем девушке выдастся шанс еще раз возмутиться.

Шагнув вперед, смотрю на нее. Между козырьком бейсболки и платком виднеются лишь глаза Тирнан. Она похожа на грабителя банка. Я едва не прыскаю от смеха, только Тирнан выглядит не особо довольной, поэтому свою шутку я не озвучиваю.

– Тебе не обязательно быть такой суровой, – дразню ее я, стукнув по козырьку кепки. – Тут чертовски воняет. Хотя ты к этому привыкнешь.

Вместо того чтобы сказать спасибо, она просто разворачивается и продолжает работу.

Несколько мгновений я стою на месте; мои мышцы напряжены из-за легкого раздражения. *Уверена, вы обратили внимание, что она тихая.*

Да, дамочка, она тихая. Медленно развернувшись, двигаюсь к выходу, но потом еще раз бросаю взгляд через плечо. Тирнан смотрит на меня. Она перестала грести.

Ее глаза кажутся темными в тени козырька. Они заставляют мое сердце пропустить удар. Я замираю.

Вскоре Тирнан опускает голову, словно ни в чем не бывало, и возвращается к своему занятию. Наблюдая за ней, я вспоминаю слова Мираи.

Все те чувства, которые она копит в себе, рано или поздно вырвутся на волю.

Мои губы изгибаются в едва заметной улыбке. Может, именно это девчонке и нужно.

– Уже управились? – спрашиваю направляющихся ко мне Ноя и Тирнан.

Я стою на грузовой платформе пикапа, сметая метлой остатки сена, грязи и прочей фигни, которую приходилось перевозить на этой неделе.

– Не волнуйся, – встречается мой сын. – Мы все сделали правильно. Но она, похоже, загорелась какой-то целью.

– Есть еще работа? – Тирнан, повязавшая платок на шею, смотрит на меня выжидающе.

Еще?

Она тяжело дышит. Достав мобильник, проверяю время. Они выполнили задание гораздо быстрее, чем это делают Ной с Калемом.

Я убираю телефон в карман и говорю ей:

– Сними высохшую одежду с бельевой веревки. И мне нужна свежая мыльная вода. Горячая. – Глянув на Тирнан, добавляю: – А потом займись завтраком.

Кивнув, девушка разворачивается кругом и поспешно идет в дом.

Ной смотрит ей вслед.

– Помню, когда работа по дому была для меня в новин-

ку, — произносит он с тоской. — В каком-то смысле даже весело было. На несколько минут.

Я качаю головой. Сомневаюсь, что Тирнан находит труд забавным.

— Если мы ее натренируем, готов поспорить, вы и не заметите моего отсутствия.

Не отрываясь от уборки пикапа, я пронзаю его взглядом и предупреждаю:

— Не беси меня сегодня.

Ной никуда не уедет, а Тирнан здесь не для того, чтобы взять на себя его обязанности.

Краем глаза вижу, что парень смотрит в мою сторону. Он явно хочет начать разговор, но я не уступлю. Мы это уже обсуждали, с меня хватит. Ной не уедет. Твою мать, ему всего двадцать лет. Он понятия не имеет, чего хочет. Или в чем нуждается.

Для совершения ошибки достаточно нескольких секунд. А за последствия ты расплачиваешься до конца жизни. Я не пожелаю своим сыновьям подобных страданий.

Прежде чем Ной успевает возразить, я спрыгиваю с машины и иду домой за своей мыльной водой.

Глава 6

Тирнан

— Можно я возьму пикап и съезжу в город за продуктами? – Сидя за завтраком, я играю со своим зажаренным беконом. Он крошится на тарелку, будто картофельные чипсы. – Заодно я могла бы купить все, что вам понадобится.

Джейк смотрит на меня, жуя. Я сосредотачиваюсь на точке прямо у него между глазами, пытаюсь отвлечься от того факта, что он снова снял свою идиотскую рубашку. Ну серьезно. Эти мужчины хоть когда-нибудь одеваются полностью? Женщины всегда выживают в жару и потеют, не расставаясь при этом со своей одеждой.

– Какая еще еда, кроме бекона, тебе нужна? – спрашивает он.

Сохраняя нейтральное выражение лица, я не ведусь на его шутку.

В конце концов Джейк смеется и говорит:

– Конечно, ты можешь взять пикап.

Потянувшись в карман за бумажником, он достает несколько купюр и бросает их в центр стола, пока Ной допивает молоко.

– У меня есть деньги, – настаиваю я. Я в состоянии оплачивать свои расходы.

– У меня тоже, – возражает мужчина. – Нам не нужны деньги де Хаасов в этом доме.

Деньги де Хаасов.

Он убирает бумажник в карман, а я перевожу взгляд на сотню баксов, которую Джейк положил на стол, – гораздо больше, чем нужно.

Однако думаю, он это знает. Просто хочет показать, что может соответствовать моим *завышенным стандартам*.

К сожалению, я не сдерживаюсь:

– Тебе не нужны деньги де Хаасов, но ты взял к себе де Хаас.

Я вновь поднимаю глаза, встречаясь с ним взглядом. Если ему противны деньги моих родителей, тогда и я наверняка противна.

– Ты *наша*, – попросту заявляет Джейк. – Мы платим за то, что тебе нужно.

Я продолжаю пристально смотреть на него еще в течение нескольких секунд.

В итоге Ной подхватывает деньги.

– Я поеду с ней. Мне нужно кое-что купить.

Мы оба поднимаемся, споласкиваем свои тарелки и загружаем их в посудомоечную машину.

– Выбросите пластиковые пакеты в бочку, когда распакуете покупки, – говорит его отец, оставшийся за столом. – Я

сегодня буду жечь мусор.

Остановившись, сердито сверлю взглядом затылок Джейка.

– Жечь мусор? – повторяю я, подыскивая доводы, к которым он прислушается. – Пожалуйста... не надо. Это вредно и для вас, и для планеты. – Я обхожу вокруг стола, чтобы встать лицом к нему. – Непроста это нелегально.

Одно дело – сжигать листву, но пластик и...

Его вилка клацает по тарелке. Джейк поднимает свою чашку кофе.

– Мусоровозы сюда не поднимаются, дорогуша.

– Мы что-нибудь придумаем, – возражаю я. – Нельзя жечь пластик, бумагу с чернилами и...

– Калифорнийские девочки заботятся об окружающей среде, не так ли? – Ной, стоящий у раковины, смеется. – Никаких пластиковых трубочек. Ты должен приносить собственные сумки для продуктов в супермаркет. Слышал, они и в туалете через раз за собой смывают.

Я с такой силой нахмуриваю брови, что становится больно.

– Ага, порой мы даже моемся вместе в душе, чтобы сберечь воду. Это потрясающе.

Джейк прыскает от смеха, а я опускаю глаза и вскидываю бровь из-за своего поведения. Не знаю, откуда взялся мой новоявленный сарказм, но я плотнее сжимаю челюсти, не позволяя себе им наслаждаться.

Уже развернувшись к выходу, останавливаюсь и опять грозно смотрю на Джейка.

– Между прочим, деньги де Хаасов заработаны с большим трудом. Мои родители принесли немалую пользу миру. Люди ценят их вклад, независимо от того, нравились они тебе или нет. Независимо от того, нравились они мне или нет.

Удивленная слетевшими с моих уст словами, я моргаю. Пусть у меня были проблемы с родителями, сейчас я впервые осознаю потребность защитить их наследие.

– Мир их запомнит, – подчеркиваю я.

– Я тоже. – Мужчина откидывается на спинку стула, рассматривая меня с долей юмора. – Особенно в твоём присутствии.

По какой-то причине его слова меня нервируют, заставляют стушеваться. Из-за чувства постоянства в тоне. Словно я здесь останусь.

– Я могу не задержаться здесь надолго, – внезапно выпа-ливаю я.

Однако моментально сожалею о сказанном. Джейк при-ютил меня, хотя не обязан был. К тому же я приехала доб-ровольно. Мне следует быть более благодарной.

И все же... вчера он угрожал оставить меня здесь против моей воли.

– Иногда ты ведешь себя как козел.

Ной резко поворачивает голову в нашу сторону. Широко распахнутые глаза парня мечутся между мной и его отцом.

Джейк не шевелится, просто сидит на месте и смотрит на меня с той же ухмылкой.

– Тирнан, я плюшевый мишка. – Он встает, обхватив пальцами ручку кружки. – Ты еще с Калемом не познакоми-
лась.

У него за спиной Ной смеется. Они разделили какую-то шутку, которую я явно не понимаю. Развернувшись, направляюсь в свою комнату, чтобы привести себя в порядок.

– Надень приличную рубашку до отъезда в город! – выкрикивает мужчина мне в спину.

Я оскаливаюсь, топая по лестнице громче, чем планировала.

Ведь я тебе еду готовлю. Не очень умно меня провоцировать.

Быстро принимаю душ, смываю с себя липкий пот, грязь и запах амбара. Я практически уверена, что позже мне вновь придется искупаться, чтобы помыть голову. Сейчас на это нет времени.

Причесавшись, надеваю ту же бейсболку, которую мне одолжил Ной утром, свежие джинсы и футболку и выбегаю из комнаты с маленькой сумкой через плечо.

На самом деле запасов провизии у Джейка вдоволь, особенно свежей, только я, собираясь в спешке, забыла некоторые... нужные вещи.

Когда выхожу на улицу, Ной уже ждет меня, сидя на спор-

тивном байке со шлемом на голове и еще одним в руке.

Я колеблюсь, бросив взгляд на пикап, стоящий позади мотоцикла. Мы поедем по отдельности или?..

– Что ты делаешь? – спрашиваю, спустившись по широким деревянным ступенькам.

– Везу нас в город.

Он протягивает запасной шлем мне. Сначала опускаю взгляд на него, потом снова смотрю на парня. Белокурые локонь спадают на его лоб из-под шлема.

Я вскидываю брови. Мы поедем на байке?

– А продукты-то куда положим?

Ной лишь тихо смеется, заводит мотоцикл и, повернув руля, коятки, газует.

– Залезай. Я не кусаюсь. – Озорно посмотрев на меня, он добавляет: – По крайней мере, я не кусаю своих младших кузин.

Едва не закатив глаза, беру шлем, надеваю поверх бейсболки. Он садится неудобно – козырек мешает. Провозившись несколько секунд, в итоге снимаю его вместе с кепкой.

Ной останавливает меня, взяв за руки.

– Вот так. – Парень забирает бейсболку, надевает ее на мою голову козырьком назад, а сверху – шлем.

Ох.

Сносная идея. Кепка мне понадобится, потому что волосы у меня в полнейшем беспорядке.

Он застегивает ремешок под подбородком, и я пытаюсь

отвести взгляд, только от его ленивой полуулыбки мое тело буквально гудит. Эти голубые глаза, обрамленные черными ресницами. Обрезанные рукава его серой футболки выставляют напоказ мускулистые руки с золотистым загаром. Ной постоянно носит потрепанные джинсы, ведь ему не нужно прикладывать особых усилий, чтобы произвести впечатление на кого-либо.

Я завидую. Он живет не по плану.

Наверное, было бы хорошо расти вместе с кузенами. Может, было бы весело проводить летние каникулы здесь, под солнцем, в грязи, шутливо препираясь с ним.

В компании Ноя я нервничаю меньше, чем с Джейком.

Парень смотрит мне в глаза. Отвернувшись, я уклоняюсь от его пальцев и сама затягиваю ремешок.

– Ты когда-нибудь каталась на мотоциклах?

– Нет. – Забираюсь на сиденье сзади него, сдвинув сумочку набок.

– Я буду нежен, – уверяет Ной. – У любой девчонки спроси.

– Я не любая девчонка, – отвечаю я и обвиваю руками его талию. – Если пострадаю, тебе все равно придется иметь дело со мной, потому что мы живем вместе.

– Верно подмечено.

Он опускает щиток своего шлема и срывается с места, отчего у меня перехватывает дыхание.

Господи. Инстинктивно крепче сжимаю руки и бедра, по-

ка мой желудок проваливается куда-то вниз. Мотоцикл расшатывается гораздо сильнее машины. Двигая глазами из стороны в сторону, я стараюсь сохранить равновесие, но парень не сбрасывает скорость. Мне остается только держаться. Может, Ной и знает, что делает, а для меня это ново. Медленно, с усилием моргаю, после чего просто перестаю смотреть на дорогу.

Эти холмы казались крутыми, когда я поднималась сюда на пикапе с Джейком. Думаю, мне необязательно наблюдать за спуском по ним на спортивном байке. Это вообще разрешено правилами дорожного движения?

Цепляясь за Ноя, я сосредотачиваю внимание на его футболке, чтобы не глазеть по сторонам, однако спустя мгновение пытаюсь слегка ослабить хватку. Я почти прилипла к спине парня и, наверное, причиняю ему неудобство.

Он отпускает одну рукоятку, заставляя меня крепче обхватить его талию и вновь прижаться грудью к его спине. Повернув голову и приподняв щиток, Ной кричит:

– Держись!

Ладно. Я сцепляю пальцы у него на животе.

Мы преодолеваем гравийную подъездную дорожку, съезжаем на асфальт, двигаясь в том же направлении, откуда я приехала два дня назад. Из-за гравитации на протяжении всего пути мое тело прижимается к Ною.

Когда дорожное покрытие выравнивается, я поднимаю глаза и рассматриваю деревья у обочин – часть окружающего

нас густого леса. Склоны, утесы, обвалы. Сейчас, при свете дня, я вижу горы гораздо четче, чем в сумерках.

Джейк не соврал. Даже если вся листва опадет зимой, здесь много хвойных, которые в любом случае будут ухудшать обзор во время сильных снегопадов. Ландшафт меняется. Овраги внезапно сменяются крутыми скалами. С обеих сторон дороги встречаются разрозненные груды камней, осыпавшихся с нестабильных участков горных массивов. Тут довольно опасно даже при хорошей погоде. Город не станет оплачивать снегоуборочные машины и посыпание дорог солью ради одной семьи.

Что, полагаю, вполне устраивает моего дядю. Нравится ли такая жизнь Ною? Его вчерашние слова всплывают у меня в памяти. *Я бы уехал. Уехал бы в мгновение ока. Ты здесь, хоть и не обязана быть. А я обязан, но не хочу.*

Так почему он остался? Джейк не может его заставить. Парень совершеннолетний.

Мы преодолеваем повороты, добираемся до шоссе. Проходит минут двадцать, прежде чем вдали показывается город. Пара шпилей возвышается над кронами деревьев, кирпичные здания мостятся вдоль улиц в тени зеленых кленов, которые, я уверена, к октябрю окрасятся в оранжевый и красный.

Когда замедляемся и останавливаемся на первом знаке «Стоп», Ной поднимает щиток шлема.

– У тебя есть еще? Двоюродные братья или сестры, я имею

в виду.

Понятия не имею, почему меня это интересует.

Он лишь качает головой.

– Нет. – Затем спохватывается: – Ну, возможно. Я не знаю.

По отцовской линии – только я, значит, остается его мать.

Где она? Несмотря на недолгое знакомство с Джейком, трудно представить его семейным человеком. Они состояли в браке?

На миг становится так легко составить о нем хорошее мнение – мужчина сам растит двух мальчиков, и одновременно понимаешь, как он мог довести женщину до такой степени, чтобы она пустилась наутек.

Так и вертится на языке расспросить Ноя о матери, но если он поведаст грустную историю о том, что она умерла или бросила их при рождении... Я не знаю, как реагировать на неподвластные мне события. Мое сочувствие всегда выглядит неискренним.

Он сжимает рукоятки, вены на его предплечьях выступают над кожей. Едва Ной срывается с места, я усиливаю хватку. Мы выезжаем на главную улицу города с магазинчиками вдоль обочин. На стоянке перед универмагом он сдает назад на парковочное место, после чего выключает зажигание.

– Я научу тебя водить, если хочешь, – предлагает Ной, слезает с мотоцикла и снимает шлем. – Если останешься.

Следуя его примеру, я вешаю свой шлем на вторую рукоятку байка, переворачиваю бейсболку козырьком вперед и

иду за ним по тротуару.

– Ты едва знаешь меня, к тому же я недружелюбная, – бормочу. – Почему ты хочешь, чтобы я осталась?

– Потому что на пике ничего не меняется. Никогда.

Что это значит?

Я вхожу в магазин, не ответив, потому что не понимаю, о чем он говорит.

– Привет, Шерил! – выкрикивает Ной.

Вручив другой покупательнице пакет, дама за стойкой улыбается ему.

Оглядевшись по сторонам, я замечаю, что магазин очень маленький. Ради всего святого, здесь только шесть рядов. Надеюсь, у них есть лапша рамен.

– Хватай все, что тебе нужно, – говорит парень. – Встретимся на кассе.

Свернув вправо, он исчезает в проходе.

Я беру корзину из стопки, радуясь тому, что он двинулся в противоположном направлении, и меняю курс в сторону аптеки.

Несмотря на скромные размеры, магазинчик милый. Старомодный кассовый аппарат и отполированное дерево повсюду создают атмосферу рубежа веков. Миновав бар со старым автоматом для содовой, меню которого включает мороженое и прочие сладости, а на стульях сидит пара завсегдатаев, наслаждающихся молочными коктейлями, я останавливаюсь у прилавка в задней части магазина, быстро осматри-

ваюсь в поисках Ноя, затем обращаюсь к аптекарю.

– Чем могу помочь? – спрашивает он, улыбаясь.

– Я бы хотела переоформить рецепт, чтобы получать препарат здесь, если возможно. Мне нужно дать вам телефон своей аптеки? – спрашиваю тихо.

– О, да. – Мужчина достает ручку из кармана белого халата и тянется за блокнотом. – Все очень просто. Я позвоню в аптеку, и вы сможете получить препарат сегодня же.

Классно.

– Номер, пожалуйста?

Я диктую цифры, следя за тем, как он пишет:

– 213-555-3100.

– Ваше имя?

– Тирнан де Хаас. Дата рождения – 01.11.2001.

– И на какой препарат рецепт?

В очередной раз оглядываюсь, опасаясь увидеть Ноя.

– Эм, у меня там оформлен только один рецепт.

Аптекарь поднимает глаза, тихо хохотнув.

– Мне просто нужно название, чтобы я знал, про какой препарат уточнить.

Я топаю ногой и быстро отвечаю, едва шевеля губами:

– «Три-Спринтек».

Он кивает, словно у него никогда не было слишком любопытного кузена, который очень бы хотел узнать, почему я принимаю противозачаточные и зачем они мне, если всю зиму я должна провести в изоляции на горе без доступа к

мужчинам.

Аптекарь звонит, вводит какие-то данные в компьютер. Завершив разговор, он смотрит на меня.

– Дайте мне десять минут. – После этого разворачивается и уходит на склад.

Возникает мысль попросить запас таблеток, рассчитанный на несколько месяцев, но я до сих пор не уверена, останусь ли здесь. Если понадобится пополнить его на зиму, просто приеду в аптеку еще раз. На пикапе. И без Ноя.

Честно говоря, мне не нужно принимать противозачаточные, тем более в течение зимы, однако легче придерживаться режима, установившегося с четырнадцати лет, чем бросить, а потом начать заново.

Я брожу по магазину, нахожу несколько вещей из своего списка то тут, то там. Любимые снеки, солнцезащитный крем, забытые дома мультивитамины, свечи. Также решаю прихватить запасные наушники, ручки и бумагу. В последнем ряду обнаруживаю рамен. Пусть это дешевый бренд за сорок семь центов, все равно я хочу лапшу.

– Эй, – окликает сзади женский голос.

Обернувшись, вижу девушку примерно моего возраста. Она пристально смотрит на меня.

– Привет, – отзываюсь я, но делаю шаг назад, потому что незнакомка стоит слишком близко.

Она в облегающих джинсах, рабочих ботинках, с длинными, немного выющимися темными волосами. Руки девушка

держит в карманах приталенной толстовки с камуфляжным принтом. Ее пухлые красные губы слегка поджаты.

– Классная бейсболка.

Разве? По-моему, я даже не прочитала, что на ней написано, когда Ной отдал мне кепку, просто сразу надела. Она явно не новая.

– Спасибо.

Ее губы сжимаются плотнее, глаза сужаются. Эта девушка меня знает? Я пока ни с кем из местных не встречалась.

Обогнув ее, иду дальше по проходу.

– Ты подружка одного из гонщиков? – любопытствует незнакомка, двинувшись следом.

Я бросаю на нее взгляд, взяв со стеллажа мочалку и гель для душа. Подружка гонщика?

Ах, точно. В городе ведь занимаются мотокроссом. Не знаю, с чего она вдруг взяла, будто я имею к этому отношение.

– Нет. Извини.

Когда иду дальше, девушка от меня не отстает.

– Тогда откуда у тебя эта бейсболка?

Моя бейсболка... Остановившись, оборачиваюсь, открываю рот, чтобы ответить, но потом опять закрываю. Я сделала что-то не так? Кто она?

– Если ты не с гонщиками мотокросса, – вновь спрашивает незнакомка, – то где взяла сувенирку?

– Кое-кто дал мне ее, – отвечаю я строго, после чего на-

правляюсь к кассе, подхватив по пути кофе в зернах. – А что, есть какие-то проблемы?

– Просто спрашиваю. Ты здесь не живешь, не так ли?

Я едва не прыскаю от смеха. Ее слова прозвучали с такой надеждой.

И все же держу язык за зубами. Может, в маленьких городах такое в порядке вещей, но там, откуда я родом, мы не делимся личной информацией только потому, что этого хочет невоспитанный человек, всюду сующий свой нос. Девушка может счесть меня грубой, а в Л.А. это называется «избежать ограбления, изнасилования или убийства».

– Вообще-то, живет, – заявляет Ной, подошедший ко мне сбоку. – Она живет с нами.

Бросив груду барахла на стойку, он обнимает меня и улыбается девушке так, словно хочет ей что-то доказать.

Что происходит?

Его покупки привлекают мое внимание. Опустив взгляд на гору коробок, я прищуриваюсь и считаю. Одна, две, три...

Восемь упаковок презервативов. Восемь.

Бросаю взгляд на парня, вздернув бровь.

– Уверен, что тебе не нужна эконом-пачка, которые продаются онлайн?

– Я смогу получить ее до вечера? – парирует Ной, глядя на меня сверху вниз.

Я закатываю глаза, одновременно ощущая желание улыбнуться или... засмеяться, потому что он такой идиот. Одна-

ко сдерживаюсь.

Не в состоянии остроумно ответить, отвожу взгляд. Парень лишь смеется. Едва он поворачивается обратно к девушке, его манера поведения становится более холодной.

– Отойди, – предупреждает Ной.

Она смотрит сначала на него, затем на меня и в конце концов уходит. Шерил начинает пробивать наши товары. Достав с ближайшего стенда пару многоразовых сумок для продуктов, тоже кладу их на стойку.

Полагаю, я не ошиблась. Незнакомка вела себя нагло. У Ноя, похоже, терпение было на пределе при встрече с ней.

– Сэси Диггинс, – произносит парень, достав деньги, полученные от отца. – Напрочь теряет уверенность в себе, когда в городе появляется кто-то посимпатичнее.

То есть я?

– Она будет не рада тому, что ты живешь с нами, – добавляет Ной.

– Почему?

– Узнаешь. – Засмеявшись, он забирает сумки. – Мне будет так весело наблюдать за тем, как все разыграется.

Наблюдать за тем, как все разыграется? Я хмурюсь. Не люблю драму.

Отправив Ноя на улицу с нашими покупками, бегу обратно к аптеке за своим заказом. Коробку выбрасываю, а блистер с таблетками, по размеру похожий на кредитную карту, сую в задний карман, после чего выхожу из магазина.

Приблизившись к мотоциклу, вижу огромный рюкзак, закрепленный спереди между рукоятками руля, и облегченно выдыхаю – к счастью, мне не придется держать сумки и держаться за Ноя.

Вновь переворачиваю свою кепку козырьком назад, беру шлем. Ной тем временем смотрит на противоположную сторону улицы со шлемом в руках. На его губах играет едва заметная ухмылка.

Проследив за направлением его взгляда, вижу какого-то парня. По-моему, того же, который вчера приезжал к дому с группой байкеров. Он сидит за столиком кафе в компании приятелей. Они с Ноем неотрывно следят друг за другом.

Я думала, что это, возможно, Калерб, только по нему не скажешь, будто он вырос на ферме, доя коров и расчищая конюшни. Он в таких джинсах, какие носят мужчины, щепетильно ухаживающие за своими волосами. Выглядит так, словно его зовут Блэйн и ему нравятся девушки по имени Кэссиди.

– Ты ведь с ним знаком, да? – интересуюсь, повернувшись к Ною.

Тот кивает.

– Терренс Холкомб. Восходящая звезда мотокросса. – Вдруг он притягивает меня к себе, чтобы застегнуть подбородачный ремень шлема. Удивленный вздох застревает в горле. – И он смотрит не на меня, Тирнан.

Ной приближается, его грудь касается моей, из-за чего в

животе зарождается трепет, а мозг отключается. О чем мы там разговаривали?

Он льнет ко мне, обдает своим дыханием мое лицо. Я обнаруживаю восьмисантиметровый шрам на его челюсти. Парень озорно улыбается.

– Что ты вытворяешь?

Почему он так близко?

– Тыкаю его носом. – Снова ухмыльнувшись, он внезапно устремляет взгляд обратно на Терренса, пока затягивает мой ремешок. – В тот факт, что ты для него недосыгаема.

Почему это? Потому что я твоя? Гадость.

– Ты тошнотворен, – ворчу я.

Хохотнув, Ной игриво отталкивает меня и надевает собственный шлем.

Мы взбираемся на байк и, не теряя времени даром, мчимся домой. Я думала, мой кузен наверняка захочет побездельничать с друзьями или девушкой, но он гонит через городок так, будто спешит. Точнее, спешит отвезти меня обратно.

Я начинаю мысленно сопоставлять фрагменты головоломки. То маленькое шоу, которое он устроил для своего знакомого. Совет Джейка держаться подальше от местных ребят. Распоряжение надеть приличную рубашку. Отец с сыном не ладят между собой, зато у них есть общая черта – оба душат чрезмерной опекой.

Это не совсем ужасно. Возможно, мне было бы приятно видеть подобную реакцию отца время от времени. То-

тальный контроль ни к чему, а вот настойчивая забота... Не знаю. Она создает ощущение, что ты кому-то небезразличен. Может, в детстве я бы и не возражала против большего количества правил.

К несчастью для Джейка и Ноя, я научилась жить без всяких правил, так что они немного опоздали.

Я крепко цепляюсь за парня, пока он взбирается на гору. Радует, что едем мы гораздо медленнее. Чувствуя, как сила тяжести тянет нас назад, я боюсь соскользнуть с мотоцикла, поэтому сжимаю кулаки. Мышцы горят от напряжения.

Едва мы добираемся до места, где земля выравнивается, я ослабляю хватку, чтобы дать рукам передышку. Ной съезжает к обочине и останавливает байк на краю пропасти.

У меня все внутри переворачивается, но вскоре я замечаю открывающийся отсюда вид. Перед нами город раскидывается в долине на фоне гор, деревьев и бескрайних просторов вдаль. Общая картина этого огромного пространства заставляет мое сердце переполниться восторгом.

– Ого, – шепчу я.

Мы сидим так пару минут, любуясь пейзажем. Ной снимает шлем и проводит рукой по волосам.

– Ты не особо разговорчивая, да? – спрашивает он.

Моргнув, я возвращаюсь в реальность. Мои родители умерли совсем недавно. Разве я должна быть разговорчивой?

Я проглатываю свои слова прежде, чем озвучиваю их. Смерть родителей не повлияла на то, какая я. У каждого есть

собственное понятие «нормы», однако объясняться я ни перед кем не собираюсь.

– Мой папа считает, что ты презираешь своих родителей, и поэтому тебя не печалит их смерть, – говорит Ной, по-прежнему глядя на долину. – А я думаю, ты грустишь, но злость преобладает над горем, потому что на самом деле все было наоборот, не так ли? Они презирали *тебя*.

Сильнее стискиваю челюсти. Они с отцом обсуждали меня? Кто сказал, что я не грущу? Откуда ему это знать? Существует некий список определенных форм поведения, допустимых при потере близкого родственника? Некоторые кончают жизнь самоубийством после смерти любимых. Разве это доказывает, что такие люди горевали сильнее меня?

Я убираю руки с талии парня.

– У нас тут тоже есть интернет, знаешь? Ханнес и Амелия де Хаас были помешаны друг на друге.

Он поворачивает голову, и я вижу, как двигаются его губы, однако нахожусь в оцепенении.

Ной продолжает:

– Они завели ребенка, полагая, будто так положено, а позже поняли, что их представления о родительских обязанностях совершенно не оправдались. Необходимость воспитывать тебя отвлекала твоих родителей друг от друга.

Горло словно иглы пронзают. Я сглатываю и чувствую подступающие слезы, но подавляю их. Откуда Ной все это знает?

– Поэтому они сплывили тебя на попечение других людей, когда ты немного подросла. Школы-пансионы, летние лагерь, няни...

Мой подбородок дрожит. И я не сдерживаю эту дрожь, ведь он меня не видит.

– Ты не презирала родителей, – наконец говорит парень. – Ты их любила.

* * *

Много часов спустя, когда я уже сплю, продолжаю слышать его слова. *Необходимость воспитывать тебя отвлекала твоих родителей друг от друга. Они презирали тебя. Ты их любила.*

Нет.

Пытаюсь отступить, только что-то удерживает мою руку. Мне больно. Я тяну и дергаю ею, но боль лишь усиливается. Как бы я ни старалась сделать шаг назад, все равно не получается сдвинуться с места. И руку высвободить не могу.

Что меня держит? Отпусти. Отпусти.

Раньше я их любила. Действительно любила. Но...

Трясу рукой в попытке вырваться, однако не могу повернуться, не могу убежать.

Я любила их раньше. Но не сейчас.

Я не знаю. Не знаю.

Резко распахиваю глаза. Мой холодный большой палец ка-

сается кожи живота. Моргнув, принимаю сидячее положение. В руке болезненно пульсирует, и я морщусь. Опустив взгляд, обнаруживаю, что она застряла в футболке – там, где было маленькое отверстие, теперь зияет огромная дыра.

Освобождаю кисть, сжимаю и разжимаю кулак, чтобы восстановить кровоток, тихо зашипев:

– Черт.

Вскинув вторую руку, сбиваю с тумбочки будильник и рычу.

Я приехала сюда, чтобы побыть наедине с собой, чтобы отдалиться от проблем. На деле же получается, что я стала еще более ненормальной, чем прежде. Три дня, и мне уже снятся ночные кошмары, чего не случалось с четвертого класса. Этого дерьма еще не хватало. Ной не имел права затрагивать столь личные темы в разговоре со мной, особенно не зная реальной ситуации. Если захочу, то поговорю об этом.

Вытираю пот, выступивший над верхней губой, сбрасываю с себя одеяло, включаю лампу. Спустившись на пол, вытаскиваю из-под кровати чемодан. Домой возвращаться не обязательно, но и оставаться здесь тоже. Я им не нравлюсь. А они не нравятся мне. Есть уйма мест, где люди не будут меня донимать. Я всегда хотела посетить Коста-Рику. Арендовать домик на дереве. Ходить на прогулки с пауками и змеями. Жить среди насекомых нестандартного размера. Все это звучит куда заманчивее, чем дом Ван дер Бергов.

Стремительно выйдя из комнаты, спускаюсь вниз. Свет

езде выключен, слышно лишь, как тикают напольные часы.

Джейк проснется на рассвете. Нужно убраться отсюда до его пробуждения. Не уверена, далеко ли уйду. Мне, наверное, понадобится два дня, чтобы с багажом добраться до города пешком.

Я пересекаю кухню, открываю дверь в гараж и сбегая по пяти ступенькам к стиральной машине. От холода мои ноги покрываются мурашками, потому что я в пижамных шортах. Открыв сушилку, достаю оттуда свою одежду, в том числе и фланелевую рубашку Ноя.

Приподнимаю край своей футболки, намереваясь быстро переодеться в новую, однако дверная ручка мастерской внезапно трясется. Я резко поворачиваю голову влево, отпустив футболку.

У меня отвисает челюсть, в голове проносится тысяча мыслей, пока я прислушиваюсь. На случай, если мне показалось. Джейк и Ной ведь наверху, верно? Сейчас начало второго ночи.

Через секунду ручка снова дергается, снаружи раздается глухой удар в дверь. Подпрыгнув, хватаю со стойки ржавый стальной прут. Я замираю на мгновение, затем пачусь, решив забежать обратно в дом и разбудить дядю.

Прежде чем успеваю развернуться, дверь вдруг распаивается. Я хватаю ртом воздух. Ветер кружит листву. Перед мной появляется окровавленная туша животного. Зацепившись за перила, я падаю на задницу и опираюсь на руки,

выставленные назад. У меня перехватывает дыхание. Какого черта?

Порог мастерской пересекает мужчина в джинсах. Кровь струится по его обнаженной груди, потому что на плечах он держит мертвого оленя. С пересохшим ртом и сердцем, выпрыгивающим из груди, я наблюдаю, как он подходит к длинному деревянному столу, на который бросает животное с тридцатисантиметровыми рогами, после чего поворачивается, чтобы пинком закрыть дверь.

Я в ужасе пялюсь на него. Потоки крови стекают по спине незнакомца, вдоль позвоночника. Перевожу взгляд на оленя – его голова безжизненно свисает с края стола. Отвожу глаза на миг, сглатывая подступившую к горлу желчь.

Тот олень, которого я видела несколько дней назад сразу после приезда – тоже его рук дело?

Развернувшись, парень встречается со мной взглядом и подходит к умывальнику, расположенному возле сушильной машинки. Разорвав зрительный контакт, он включает воду.

Я пытаюсь собрать достаточное количество слюны и смочить рот, но вся эта кровь на его теле... Господи. Сжимаю кулаки.

Кто?..

И тут до меня наконец-то доходит.

Это Калерб. Старший сын.

Он берет шланг, наклоняется над раковиной, споласкивает водой свои темные волосы и спину. Когда парень снова

выпрямляется, я наблюдаю, как он проводит ладонью по задней поверхности шеи, и замечаю мелкую блеклую надпись, вытатуированную на его коже вертикально от основания черепа до уровня плеч.

Затем рука Калеба скользит ниже, по животу, отчего мышцы пресса сокращаются. Вода пропитывает его джинсы. Лампочка на потолке, потревоженная сквозняком, до сих пор раскачивается туда-сюда, сначала освещая его, потом погружая в темноту.

Он опять поворачивает голову, смотрит на меня. Темные глаза рассеянно изучают мое тело, после чего останавливаются и фокусируются. Кaleb сжимает челюсти, играя желваками. У меня в животе все переворачивается, каждый волосок стоит дыбом. Комната внезапно кажется слишком маленькой.

Я делаю глубокий вдох и говорю, поднявшись:
– Эм, ты, э-э... Ты... эмм, Кaleb, да?

Он в очередной раз ловит мой взгляд. Сейчас я различаю, что цвет глаз у него все-таки не темный. Они зеленые. Парень почему-то выглядит рассерженным.

Черные брови хмуро сдвигаются на переносице, отбрасывают тень на глаза. Отвернувшись, Кaleb заканчивает мыться, словно меня здесь нет. Выключает воду, подхватывает салфетку и начинает вытирать лицо, шею. Потом проводит тканью по макушке, заглаживает волосы назад, вытирает мокрые локоны.

Ау?

Что с ним такое? Почему он не отвечает?

Парень поворачивается ко мне, швырнув салфетку в раковину, встречается со мной взглядом и слегка склоняет голову набок. Я едва сдерживаю смех. Этот жест делает его таким невинным, похожим на любопытного щенка.

Правда, когда он вновь опускает глаза к моему животу, его грудь начинает взмываться и опадать чаще, и я сжимаю бедра вместе. Инстинктивно положив руку туда, куда уставился Кaleb, нащупываю обнаженную кожу.

У меня перехватывает дыхание. Я смотрю на себя и вижу разорванную футболку. Все это время...

Двинув рукой, задеваю пальцами свою гребаную грудь и перестаю дышать. Насколько возможно, стараюсь опустить край футболки, после чего пачусь назад, готовясь рвануть по лестнице.

Как только я двигаюсь, он тоже двигается, приближаясь ко мне. Капли воды мерцают на его коже. Я бросаюсь к выходу, но Кaleb вскидывает руку, хватая меня и толкает к стене.

Чт...

Шумно вздыхаю. От страха в животе затягивается узел.

Он прижимается к моему телу, одну руку кладет на талию, второй опирается на стену у меня над головой, касается лбом моего лба и смотрит в глаза. Объятие настолько интимное, что кажется, парень сейчас меня поцелует, однако этого не происходит. Открываю рот, чтобы сказать что-нибудь. Его

дыхание, горячее и пьянящее, овеивает мои губы, и комната словно кружится.

Калёб такой холодный, а мне жарко. Вот-вот в пот бросит.

Потянувшись к ленте, которой заплетены мои волосы, он пропускает ее сквозь пальцы, затем поднимает мой локон и нюхает. Наклонив голову, проводит носом по моему уху, линии роста волос, лбу. Глубоко вдыхает, чувствуя мой запах.

Это странно, но я не могу пошевелиться. Дрожу, потому что удовольствие от его действий заставляет тело реагировать. Мои соски напрягаются, трутся о ткань футболки. На миг я закрываю глаза, наслаждаясь электрическими разрядами, пробегающими под кожей.

Я должна оттолкнуть его.

Хотя по какой-то причине не получается поднять руку.

– Я, эм, – произношу сдавленно. – Не думаю, что тебе стоит...

Не отстраняясь от моего лба, с пылающими глазами он расстегивает свой ремень и джинсы.

Ого, что? У меня челюсть отвисает.

– Подожди, стой. – Я упираюсь ладонями ему в грудь. – Ты не можешь... Что ты...

Калёб лишь прижимается ко мне, тяжело дыша и слегка оскалившись. Его затвердевшая плоть трется об меня.

Резко выдыхаю. Мои веки трепещут.

Просунув руки под шорты, парень сжимает мою задницу, приподнимает и разворачивается вместе со мной. В животе

все кувырком. Я цепляюсь за него, когда он кладет меня на капот машины, притягивает к краю и пристраивается между моих ног.

– Калевб, – говорю я, пытаюсь его оттолкнуть. – Кале...

Парень сжимает в кулаке мои волосы на затылке, накрывает меня своим телом и целует в губы, жадно и необузданно, прервав мои возражения. Его язык проникает в мой рот. Я испускаю стон, ощущая пульсацию внизу.

Остановись!

Боже правый.

Он раскачивает бедрами все быстрее и быстрее, шумно дышит, покусывает мои губы, настойчиво посасывает язык. У меня между бедер словно пламя вспыхивает.

Черт, что Калевб делает? Твою мать! Мы уже встречались или что?

Я наконец-то сглатываю.

– Перестань! – кричу я. Пульс гроыхает в ушах. – Остановись. Просто остановись!

Но парень вновь прижимается ко мне, заставляя лечь на капот. Его горячий рот находит мой живот.

Мотаю головой. Слезы собираются в уголках глаз, потому что его действия так приятны, но я не хочу этого. Не хочу, чтобы он опустилсa ниже. Не хочу обвинить его ногами. Происходящее не вызывает теплых чувств, не пробуждает внутри нежность и желание ответить на поцелуй.

Я зажмуриваюсь, пока губы Калеба покрывают поцелуя-

ми мой живот, и чувствую воздух, коснувшийся левой груди, которая наверняка снова показалась из-под разорванной футболки. Он замирает, и я впиваюсь ногтями в машину, зная, что парень тоже это заметил.

Жду его реакции. Хочется покачать головой, заставить его остановиться, но не получается даже попытаться. А потом... Калёб ловит мой сосок зубами. От тепла его рта по всему моему телу разливается жар. Громкий стон срывается с моих губ. Я со скрежетом царапаю ногтями металл.

– Пожалуйста, хватит, – бормочу, понимая, что парень не слышит. Зарывав, он рывком сдвигает меня к краю капота, снова наклоняется к моему животу и начинает стягивать мои шорты.

Я стискиваю зубы.

– Остановись.

Калёб не слушает. Его поцелуи спускаются все ниже, мимолетно выступ подвздошной кости. Он буквально пожирает меня. Между ног становится так тепло; я сгораю от желания заполнить эту пустоту.

– Прекрати, – беззвучно произношу одними губами.

Парню удастся стянуть шорты и трусики с моих ягодиц, он продолжает посасывать нижнюю часть живота всего на пару сантиметров выше клитора.

Приподнявшись, я рычу и отвешиваю ему пощечину.

– Я же сказала, остановись! Стоп!

Замерев, Калёб рассерженно смотрит мне в глаза. Пот

блестит на его шее, он прерывисто дышит, впившись пальцами мне в бедра, и сжимает кулаки.

— Когда кто-то просит тебя остановиться, ты останавливаешься! — рявкаю я. — Твою мать, разве ты не понимаешь? Ты тупой, что ли?

Огрызнувшись, Калёб хватает меня за предплечья и хмуро смотрит. Всхлип вырывается из моей груди, однако я отвечаю таким же хмурым взглядом, черт побери.

Его грудь тяжело вздымается. Я ощущаю жар дыхания парня, до сих пор вижу и даже чувствую желание в его глазах, как бы ни противно было это признавать. На какой-то миг — может, дольше — я хотела этого. На миг я снова стала нежной.

Было тяжело остановиться.

Но это он виноват. Я раз шесть велела ему остановиться и уж точно не старалась привлечь его внимание, так что за свои «синие» яйца он ответственен сам. Мне не обязательно любить первого человека, которого я трахну, но бояться я тоже не хочу. Калёб вел себя будто робот.

Он испепеляет меня взглядом, не отпуская, я отвечаю тем же.

— Эй, эй, эй! — восклицает кто-то, ворвавшись в гараж. — Остановись! Старик, слезь с нее.

Подошедший Ной убирает пальцы Калеба с моих рук и отталкивает его в сторону.

— Чувак, она не из городских, — сообщает он брату, держа

того за плечи и пристально глядя ему в глаза.

Однако Калёб по-прежнему не сводит с меня сердитых глаз. Я поспешно сползаю с капота, натягиваю свои шорты, заметив, как он в очередной раз скользит взглядом по моему телу сверху вниз. Не из городских? Можно подумать, это нормально – так обращаться с кем бы то ни было?

– Чувак, посмотри на меня! – рывкает Ной.

В конце концов Калёб медленно переводит взгляд с меня на своего брата, заглядывая ему в глаза.

– Она папина... дочь папиного брата, – поясняет Ной. Я улавливаю нотки юмора в его тоне. – Помнишь? Сводного брата, которого он ненавидит? Это его ребенок. – Парень указывает в мою сторону. – Она – наша семья. И проживет у нас какое-то время. Тебе нельзя ее трахать.

После этого Ной отпускает его, тихо хохотнув.

– Ничего смешного! – огрызаюсь я, затем зло смотрю на Калеба, наконец-то обретя проклятый дар речи. – Черт, что с тобой такое? А?

– Не суди его строго, – говорит Ной. – Он всегда возвращается домой дико голодным после долгих вылазок в лес.

– Тогда пусть поест!

– Он именно это и делал, – парирует мой кузен, глянув на меня.

Ел.

Пожирал меня.

Ох, ты гребаный умник, не так ли? Говнюки.

Калёб наблюдает за мной, вновь слегка склонив голову набок, а потом вытирает уголок рта большим пальцем, как обычно делают после трапезы.

Вылазок в лес. Так вот что они имели в виду. Калёб периодически уходит и живёт в лесу.

Может, ему следует опять исчезнуть.

– Почему ты все время отвечаешь за него? – интересуюсь у Ноя.

– Потому что он не разговаривает.

– Что?

– Он не говорит, Тирнан. – Парень поворачивает голову ровно настолько, чтобы только я видела, как шевелятся его губы. – Калёб не проронил ни слова с четырех лет.

Я смотрю на Калеба, не совсем понимая, как воспринимать данную новость. Во мне просыпается толика жалости, однако, полагаю, он это видит, потому что застегивает свои джинсы, свирепо уставившись на меня, и яростно выдергивает ремень из шлевок с такой силой, что тот щелкает в воздухе.

Стиснув зубы, выпаливаю:

– Он еще и глухой вдобавок? Я просила его остановиться.

– Калёб все прекрасно слышит, – вздыхает Ной. – Просто он не привык... к женщинам...

– Которые ему отказывают?

– К женщинам вроде тебя, – возражает он.

Вроде меня? В городе полно таких же девушек, как я.

Бросив на меня взгляд в последний раз, Калеб разворачивается и поднимается по лестнице в дом. Ной встает лицом ко мне, изучая мою одежду. Быстро одергиваю свою футболку, только сейчас я слишком рассержена, чтобы смущаться.

Даже вспомнить не могу, зачем изначально пришла в мастерскую.

Немой? Он немой? Калеб *может* говорить. Ной сказал, он не проронил ни слова с четырех лет, а не лишился способности говорить в четыре года. Почему парень не разговаривает?

И что делает один в лесу?

Я до сих пор вижу перед собой его глаза в тот момент, когда он прижал меня к стене и прислонился лбом к моему лбу. То, как Калеб на меня смотрел...

То, как он завладел моим ртом... Щеки вспыхивают.

– Он больше такого не сделает, – уверяет Ной с радостной улыбкой. – Калеб не знал, кто ты такая, Тирнан. Извини.

Помедлив еще несколько секунд, он следует за братом.

А я стою в гараже, пялясь на царапины, оставленные пару минут назад моими ногтями на капоте пикапа. Затерявшись в мыслях на какое-то время, гадаю, к чему бы все это привело, не появившись здесь Ной. Если бы я не заставила себя оттолкнуть его брата.

И какая доля вины за случившееся лежала бы не на Калебе.

Глава 7

Тирнан

Следующим утром меня будит пронзительное хихиканье. Я открываю глаза и моргаю, прогоняя сон.

Это женский смех.

Приподнявшись на локтях, прислушиваюсь, различаю ритмичное поскрипывание, доносящееся из комнаты Ноя. Затем слышится стон, сопровождаемый стуком в стену.

Я закатываю глаза и падаю обратно на кровать. Они действительно живут в свое удовольствие, не так ли? Должно быть, удобно, когда подружки по постели сами к тебе приходят. Каждое утро, ни свет ни заря.

В доме открываются и закрываются двери. Проверив телефон, вижу, что время едва перевалило за половину шестого. Поворачиваю голову и смотрю на свой раскрытый чемодан, все еще лежащий на полу рядом с кучей постиранного белья, которую я принесла вчера ночью.

Сборы я не закончила. И не переоделась. На мне до сих пор та же разодранная футболка, в которой меня нашел Каллеб.

Мысли кружатся в голове; моя грудь начинает поднимать-

ся и опадать быстрее, когда вспоминается все произошедшее в гараже.

Кто знал, что я так легко поддамся? Я была абсолютно готова раздвинуть ноги перед первым встречным, проявившим ко мне толику внимания.

Закрыв глаза, я по-прежнему ощущаю нужду в том, чтобы он спустился ниже. Кладу руку на живот под одеялом и на мгновение воображаю, будто это его рука. Ему было хорошо со мной?

Я моргаю, мотая головой. *Нет.*

Нет.

Сбрасываю с себя одеяло и сажусь в кровати.

Калев поступил просто возмутительно. Что самое смешное – он бы не попытался переспать с незнакомой девушкой, если бы это не срабатывало в прошлом. Ему не нравилось то, что он чувствовал. Парень был возбужден, а на моем месте могла оказаться любая.

Встав с постели, я снимаю футболку и замечаю несколько красных точек вдоль края. Через мгновение до меня доходит.

Кровь. Оленья кровь.

Фу. Калев не все смыл с себя, перед тем как... навалился на меня. Я тихо рычу, бросив футболку в мусорную корзину. Она цепляется за бортик и повисает сбоку.

Надев новую, хватаю свою зубную щетку с пастой и направляюсь в ванную. Из спальни Ноя по коридору разносят-

ся стоны и крики под аккомпанемент ‘Wow’ Post Malone, поэтому я торопливо пробегаю мимо и распахиваю дверь ванной, где обнаруживаю своего дядю. Он стоит перед раковиной с полотенцем, обернутым вокруг талии.

Его мокрый торс и волосы сверкают в тусклом свете. Замерев, я быстро отвожу взгляд. Дом большой. Было бы благоразумно добавить вторую ванную комнату.

Я открываю рот, намереваясь извиниться за вторжение, однако здесь есть замок. Это не моя вина, что Джейк им не воспользовался.

Смежная дверь, ведущая в его спальню, открывается. Передо мной предстает та же девушка, которая была с ним позавчера. На ней облегающее красное платье-халтер и черные туфли на каблуках, а ее длинные каштановые волосы собраны в хвост.

Она целует Джейка в щеку, медлит несколько секунд, покусывая кожу вдоль челюсти, после чего выходит, протиснувшись мимо и почти не глядя на меня. Я провожаю ее взглядом, пока девушка спускается на первый этаж. Когда она скрывается из виду, поворачиваю голову, инстинктивно посмотрев в сторону лестницы Калеба.

– В душ? – спрашивает Джейк.

Я заглядываю в глаза его отражению, в то время как он вытирает пасту с губ. Капля воды стекает по спине мужчины.

– Нет, я... просто хотела почистить зубы. – Разворачиваюсь к выходу. – Я подожду.

– Один душ на четыре человека, – окликает он, остановив меня. – Не стесняйся.

– Ты бы стеснялся, если бы я расхаживала по дому в полотенце? – возражаю я.

Ну серьезно.

Джейк встречается со мной взглядом и кивает; уголок его рта насмешливо приподнимается.

– Я постараюсь выработать у себя привычку брать одежду в ванную, ладно? – Затем поясняет: – *Постараюсь*. Мы слишком долго жили в этом доме без женщины.

Изгибаю бровь. *В этом доме постоянно присутствуют женщины.*

– Ты знаешь, что я имею в виду, – говорит он, прекрасно понимая, о чем я подумала.

Без разницы.

– Вам не нужно менять свои привычки. Если я не останусь...

Снова глянув на меня, Джейк подхватывает крем для бритья, но держит язык за зубами, несмотря на желание высказаться. Слегка покачав головой, подхожу к раковине, смачиваю щетку и выдавливаю пасту. Не собираюсь ждать, пока он закончит. Разве горцы не отращивают бороды?

Закрыв тюбик, бросаю его за кран.

– Ты купался вчера после работы, – бормочу я, поднеся щетку ко рту. – Всегда принимаешь душ еще и по утрам?

– Только когда ночью тоже замараюсь, – парирует мой дя-

дя.

Я осекаюсь, резко подняв глаза. Он намазывает кремом подбородок и горло, ничуть не смутившись, потому что... Как иначе мужчина может замараться в своей собственной постели ночью? Мои мысли возвращаются к женщине с подтянутыми бедрами и красными губами, недавно вышедшей отсюда.

Моргнув, начинаю чистить зубы.

– Вчера ты отлично потрудилась в конюшне.

Правда?

– Мальчишки занимаются этим всю свою жизнь, но им плевать. Было приятно увидеть, что работу выполнили так, как это сделал бы я.

Я киваю, не поднимая головы, и продолжаю орудовать щеткой. Джейк меня задабривает.

– У тебя есть бойфренд, Тирнан?

Бросив на него взгляд, замечаю, что он наблюдает за мной, смывая с рук пену, которая теперь покрывает всю нижнюю часть его лица.

– Дома, в Л.А.? – поясняет Джейк. – У тебя есть парень?

Я выплевываю пасту, правда, вместо ответа возвращаюсь к своему занятию.

– Ты вообще была когда-нибудь с мужчиной? – спрашивает он более прямолинейно. – В любом смысле?

Мои движения замедляются, дыхание становится поверхностным. Джейк спрашивает, занималась ли я сексом?

Кровь в венах разгорячается, каждый сантиметр кожи остро ощущает контакт с одеждой. Я сжимаю щетку пальцами.

В очередной раз сплюнув, прополаскиваю рот и, наконец-то подняв глаза, смотрю на его отражение. Чего он от меня хочет?

– Ты еще совсем девочка, – говорит Джейк, угадывая ответ без моей помощи. – Тебя нужно воспитывать.

Он запрокидывает голову назад, проводит бритвой вверх по шее, против роста щетины.

– Тебе стоит остаться. Приятно, когда в доме есть женщина.

Несмотря на попытки сдержаться, я рассматриваю Джейка. Гладкая загорелая кожа его шеи показывается с каждым взмахом лезвия. Капли воды до сих пор мерцают на мускулистых плечах и груди. Полотенце опоясывает его бедра, подчеркивая V-образные мышцы торса. Моргнув, отвожу глаза, однако не могу с собой совладать и вновь украдкой бросаю на него взгляд, просто потому что мне нравится смотреть.

Внешне они с Калэбом не очень похожи, зато сходство очевидно, когда оба полураздеты.

Может, стоит рассказать ему о прошлой ночи? О том, как его сын загнал меня в угол и пытался трахнуть на капоте его машины. Что их дом все-таки окажется не самым безопасным для меня местом.

Мы не ладим. Ной испытывает мое терпение на проч-

ность. Я сплю еще хуже после приезда сюда.

Возможно, я должна сказать Джейку, что уезжаю.

Только вместо этого беру крем для бритья, выдавливаю немного на ладонь и хлопками наношу на лицо. Мужчина замирает и следит за мной.

Размазав пену по щекам, я становлюсь похожей на Санта-Клауса и переворачиваю свою зубную щетку, чтобы использовать ручку в качестве бритвы.

– Ты понятия не имеешь, как воспитывать девочек.

Он ухмыляется.

– Значит, хочешь, чтобы я вырастил из тебя мужчину?

– Попробуй. – Держу щетку наготове. Может, тогда он поручит мне хоть какую-то «мужскую» работу.

Фыркнув, Джейк наклоняется над раковиной. Следуя примеру, я взмах за взмахом имитирую его технику – против роста щетины вдоль горла, по росту щетины на щеках, челюсти и над верхней губой. Мы стоим бок о бок, глядя в зеркало, периодически споласкиваем наши бритвы и продолжаем.

Джейк ловит мой взгляд, улыбается, затем показывает завершающие штрихи. От того, что плечо мужчины касается моего, сердце начинает колотиться сильнее. Запах его чистого тела наполняет ванную.

Когда мы заканчиваем, а на наших щеках остаются лишь разрозненные следы пены, он снимает с вешалки полотенце и вытирает мое лицо. На мгновение я чувствую себя ребенком. По какой-то причине мне хочется засмеяться.

Правда, едва Джейк убирает полотенце и смотрит на меня сверху вниз, моя затаенная улыбка проваливается куда-то в живот. Его тоже. Он слишком близко.

Удерживая зрительный контакт, мы стоим неподвижно. В помещении так жарко, что я...

Я сглатываю и замечаю, как его кадык поднимается и опускается.

– Похоже, я потерпел неудачу, – еле слышно произносит мой дядя. – Невозможно скрыть, кто ты такая.

Девочка.

Данный факт он озвучивает будто бы с сожалением. Отвернувшись, Джейк медленно вытирает свои щеки.

– Я голоден. Блинчики?

С трудом различаю, что он говорит, не сводя с него глаз. Слова срываются с моих уст раньше, чем мне удастся их остановить:

– Пусть мужчиной мне не быть, однако и девочкой я навечно не останусь.

Я делаю довольно длительную паузу, наблюдая за тем, как Джейк осекается, а его лицо вытягивается. Не сдержав улыбку, разворачиваюсь и выхожу из ванной.

Безусловно, я смогу взять на себя больше обязанностей. Когда стану женщиной.

Масса для блинов, которую я выливаю на гридль, шипит. Наполняю половник и делаю еще круг, и еще, один за дру-

гим. Тесто пузырится по краям. Глядя на это, поглаживаю гладкий ноготь своего большого пальца.

В кои-то веки я рада, что готовлю завтрак. Джейк с Ноем на улице, занимаются утренними делами. Калеба я еще не видела. Вместо того чтобы прятаться у себя в комнате из страха столкнуться с ним, уж лучше отвлечься на что-то полезное.

Черт, почему мой чемодан не собран?

После того, как оставила своего ошарашенного дядю в ванной утром, я оделась и заправила кровать, позабыв про пустой чемодан, по-прежнему валяющийся на полу. Даже если бы не случился эпизод с Калемом, сомневаюсь, что собрала бы вещи.

Я кладу половник в миску, беру лопатку и переворачиваю блинчик, разбрызгав жидкое тесто.

Вероятно, именно поэтому я всегда возвращалась домой на школьные каникулы. Отчаянно не желала оставаться одна.

Резко повернувшись за тарелкой, вижу Калеба. И замираю. Он пристально смотрит на меня, прислонившись к холодильнику. Мое сердце буквально выпрыгивает из груди. Я сжимаю бедра. Давно парень тут стоит?

Его зеленые глаза сосредоточены на мне. На лице то же любопытное выражение, что и вчера. Мой пульс настолько оглушительно гроыхает в ушах – не слышен даже ветер и скрежет веток по стенам.

На что он уставился?

Стиснув челюсти, хватаю тарелку с островка, разворачиваюсь обратно и снимаю готовые блинчики с гридليا. Калев в джинсах, на сей раз чистых, к тому же он явно помылся, хотя его волосы до сих пор растрепаны, словно парень только проснулся. Полагаю, правило Джейка о побудке в полшестого на него, в отличие от Ноя, не распространяется.

Его взгляд буквально прожигает спину, однако спустя мгновение дверца холодильника открывается, потом закрывается, и я ощущаю приближение Калеба. Он извинится? Что, если бы мы оказались не сводными кузенами, а кровными, когда парень решил проигнорировать мои протесты?

Неторопливо очистив жарочную поверхность, я распределяю четыре новые порции теста, в то время как он наливает себе стакан сока. Хоть мои глаза и прикованы к гридлию, кроме него я ничего не замечаю. От Калеба пахнет...

Выделанной кожей. Muskным гелем для душа. Наверное, он только вышел из ванной. А вчера он пах... дождем, деревьями, дровами и потом. От него исходит аромат леса. Из-за этих воспоминаний жар вспыхивает у меня между ног.

Я качаю головой. *Ради всего святого.*

– Не убирай сок, – говорю ему.

Но парень не слушает. Пропустив мои слова мимо ушей, он разворачивается кругом и ставит пакет сока обратно в холодильник.

– Ты любишь чернику? Пахту?

Мне плевать, что ему нравится. Просто хочу, чтобы Калёб вынудил меня подняться наверх и собрать вещи.

– Шоколадную крошку? – продолжаю я, провоцируя. – Тыкву? Цельное зерно?

Он забирает свой стакан, идет к столу, жадно глотая апельсиновый сок, словно я не существую.

Крепче сжав в кулаке лопатку и тяжело дыша через нос, переворачиваю блинчики.

– Сколько ты хочешь? – монотонно бубню. – Три? Четыре?

Бросаю взгляд в сторону, проверяя, кивает ли он или качает головой, или, может, показывает желанное количество блинов пальцами. Калёб же просто ставит стакан на стол и садится.

Я выдергиваю провод гридля из розетки, перекладываю последнюю порцию готовых блинчиков на тарелку, после чего подхватываю сироп и вилки. Входная дверь распаивается, пол поскрипывает под ногами Джейка и Ноя. Откуда они знают, что завтрак готов?

Мужчины врываются на кухню, когда я ставлю блюдо с блинчиками в центр стола. Ной берет стакан молока, Джейк моет руки, затем оба спешат занять свои места.

Пар поднимается в воздух над черничными блинчиками. Пока парни рассаживаются, я поворачиваюсь к островку за тарелками. Моя злость по-прежнему кипит.

Дав тарелки Джейку и Ною и взяв одну себе, чувствую

взгляд Калеба, которому ничего не досталось.

Я не готовлю для тебя.

Его отец и брат перестают двигаться. Должно быть, понимают – что-то происходит. Подняв глаза, вижу, как их взгляды мечутся между нами. Ной знает, что послужило причиной этой напряженности, но я не уверена, в курсе ли Джейк. Наверное, парень не рассказал о прошлой ночи, побоявшись навлечь неприятности на Калеба.

И глазом не моргнув, Калёб поднимает тарелку с блинчиками, раздает по три Джейку и Ною, а остальное ставит перед собой, поймав мой взгляд на мгновение. Потом тянется за сиропом, которым щедро поливает блинчики.

Мудак.

Ной прокашливается, но я все равно улавливаю смех. Джейк вздыхает и отдает свою порцию мне, после чего достает чистую тарелку с островка и своей вилкой сгребает пару блинов с переполненной тарелки старшего сына.

– Вижу, вы уже познакомились, – ворчит он.

Никто не отвечает. Мальчики принимаются за еду.

– Выглядит аппетитно, Тирнан, – произносит Джейк, стараясь разрядить обстановку. – Черничные блинчики – это единственное, что мы с твоим отцом...

– Мне плевать, – огрызаюсь я, отодвинув тарелку.

Все замолкают. Встав из-за стола, я хватаю яблоко из корзины с фруктами, откусываю и подхожу к холодильнику, чтобы наполнить свою бутылку водой.

Я прекрасно понимаю, что веду себя грубо, о чем сожалею.

Вероятно, мне стоит прогуляться в горы. Размять ноги, оставить семейство Ван дер Бергов в покое.

Тишина сохраняется еще в течение нескольких секунд, пока ее не нарушает Ной.

– Я заканчиваю с байком Лоуренса сегодня, – говорит он отцу, полагая. – Парни приедут. Опробую его на Рэнсом Ран.

– Не растягивай это на целый день, – резким тоном отвечает Джейк. – У нас еще полно работы.

От недавнего великодушия моего дяди не осталось и следа, и разозлила его я.

Оглянувшись, вижу, как он вонзает вилку в еду и бросает распоряжение Калебу:

– Ты тоже не исчезай.

Все трое торопливо и молча доедают завтрак. Из-за царящего напряжения воздух в комнате становится гуще грязи.

Закручиваю крышку, приготовившись оставить мытье посуды им, однако, когда разворачиваюсь к выходу, снова ловлю на себе взгляд Калеба. На сей раз он пялится на мои ноги.

Я в рваных джинсовых шортах, не слишком коротких, и застегнутой до горла фланелевой рубашке.

Оглядев стол, отмечаю, что на мне больше одежды, чем на любом из них. Джейк и Кaleb сидят без рубашек, а футболка Ноя разрезана по бокам, частично обнажая гладкую загорелую грудь.

Черные волосы Калеба на фоне обласканного солнцем лица.

Мускулистые плечи и узкая талия Джейка.

Выступающие вены на предплечьях Ноя...

Выпрямившись, я сглатываю и быстро покидаю кухню.

Мне нужно выбраться отсюда.

Я давлю на газ, направляя пикап вверх по подъездной дорожке, пока не достигаю вершины склона. Гравий вылетает из-под колес. Заглушив мотор, беру с пассажирского сиденья рабочие перчатки, выпрыгиваю из салона и, натягивая их на руки, иду к грузовому отсеку.

– Нашла дорогу без проблем? – приблизившись, Джейк опускает задний борт.

В ответ я киваю.

– Парни помогли?

– Да.

Мы вдвоем забираемся на платформу, чтобы начать разгружать сено.

После завтрака он попросил меня съездить в город за сеном. Узнав, что могу отправиться одна, я с радостью согласилась. Эта возможность проветриться, отвлечься, оказалась не хуже прогулки. Эй, к тому же я впервые побывала в сельскохозяйственном магазине. К счастью, там не было прилавков с таблоидами, поэтому мне удалось избежать новостей о происходящем дома.

Из гаража доносятся музыка и смех. Посмотрев в ту сторону, замечаю несколько мотоциклов, припаркованных рядом. Похоже, это те самые друзья, с которыми Ной планировал протестировать байк.

Две девушки болтают неподалеку, в то время как все остальные общаются в гараже. Я наблюдаю за ними. Они в джинсах и летних топах, смеются, улыбаются. Долго еще продержится хорошая погода, позволяющая гонять? Кажется, это весело.

На пару с Джейком мы сбрасываем тюки с машины, ухватываясь за проволоку, и тянем их к конюшне. Одна из девушек улыбается, когда я прохожу мимо.

На их лицах ни грамма косметики, никакого модного маникюра и стильных нарядов, но им это и не нужно. Они симпатичные, в удобной одежде. На миг мне хочется стать одной из них.

Я несу сено в стойло. Кaleb поедет с ними?

Как он умудрится ладить с друзьями, если не разговаривает? У него вообще есть друзья? То есть, раз он так себя ведет, будучи немым, только представьте, что бы сошло с его языка в противном случае.

Качаю головой. Меня не покидает любопытство по поводу того, какое же событие заставило его отказаться от речи в четырехлетнем возрасте, однако я отбрасываю эти мысли. У всех нас есть проблемы.

– Я хочу услышать тебя, – произносит кто-то с придыха-

нием.

Войдя в конюшню, замедляюсь.

– Покажи, чего ты хочешь, – шепчет женщина.

Я едва не роняю тюк.

Ее голос еле слышен, такой тихий, будто она держится из последних сил.

Бросив свой груз на землю, делаю шаг назад. Это может быть кто угодно. Здесь много народу, а я не хочу попасть в неловкую ситуацию. Поэтому осторожно пячусь.

Вдруг слышу хриплый стон, шорох сена и тихий выкрик. Я замираю.

– Я заставлю тебя стонать, – заявляет девушка. – Тебе так понравится, что ты не сдержишься.

Не знаю почему, но я бесшумно ступаю вперед. Следуя за звуком к последнему стойлу в дальнем конце конюшни, подхожу к двери с приоткрытой верхней створкой и вновь прислушиваюсь.

– Ну же... – стонет она.

Я задерживаю дыхание и заглядываю внутрь. Мой взгляд встречает обнаженную кожу, руки. Парень запускает пальцы в ее длинные черные волосы. Девушка стоит перед ним на коленях и сосет его...

На секунду я отвожу глаза. Мои щеки вспыхивают.

Однако ее тихое поскуливание опять привлекает мое внимание.

Ее голова двигается по его плоти вверх-вниз; она прово-

дит ладонями по ногам парня, облаченным в джинсы, сжимает ремень и стягивает брюки еще ниже, так что теперь видны его бедра и изгиб задницы.

Лица девушки я не вижу. Не вижу, что она с ним делает, хотя и без того знаю. Скольжу взглядом вверх, рассматривая его мускулатуру, кожу, снова блестящую от пота. Я понимаю, кто это, раньше, чем достигаю лица.

Калевб запрокинул голову назад, опустил веки, тяжело дышит и сжимает ее волосы, заставляя девушку двигаться на его члене. Мышцы предплечий парня сокращаются, волосы практически застилают глаза. Совершенно забыв о ней, я наблюдаю за ним. Пряди, промокшие от пота, липнут к его шее. Он периодически поджимает губы, потому что...

Ему нравится. Я слышу, как она стонет, несмотря на то, что ее рот занят. Калевб притягивает девушку к себе раз за разом; его брови сдвигаются на переносице.

Внезапно он распахивает глаза.

Опустив подбородок, парень пронзает меня взглядом, словно все это время знал о моем присутствии.

Черт.

Я опять перестаю дышать, напрягаюсь, моя кожа пылает от стыда. Калевб ускоряет темп, теперь резко врываясь в нее, и пристально следит за мной.

Приоткрываю рот, потому что это единственная часть моего тела, сохранившая способность двигаться. Я уже не обращаю внимания на женщину. Он склоняется над ней, одну

руку по-прежнему держа в волосах, а второй схватившись за борт стойла. Парень трахает ее, его бедра раскачиваются все быстрее и быстрее, глаза становятся такими же пронзительными, как прошлой ночью, когда он прижал меня к стене и... обнюхал.

Капля пота стекает по моему животу под фланелью. Завороженная, я без малого не начинаю двигаться вместе с ним.

Прильнув к двери, довольствуюсь возможностью приблизиться хотя бы на несколько сантиметров.

Она стонет. Мы с Калемом смотрим друг на друга. Но я вижу лишь то, как он двигался бы со мной вчера. Если бы я его не остановила.

Тут раздается еще один стон, и я не осознаю, что он сорвался с моих губ, пока уголок рта парня не изгибается в улыбке. Резко втягиваю воздух. До меня только доходит, что, черт побери, я делаю.

Твою мать. Я отворачиваюсь, накрыв рот ладонью и зажмурившись.

Дерьмо.

У себя за спиной слышу его тихий рык, затем быстрое шипящее дыхание, надрывно вырывающееся из его легких. Прислонившись к стене, слушаю, как Калекб кончает.

Девушка скулит. Я содрогаюсь и выбегаю из конюшни на воздух.

Зачем я это сделала? Черт, что я творю?

Легкая испарина покрывает мою спину. Жалею, что не

надела майку, иначе сейчас могла бы снять свою рубашку с длинным рукавом.

Он мерзок. Джейк был прав. Их с Ноем поведение – ерунда по сравнению с *этим*.

Готова поспорить, Калев получает удовольствие, пользуясь всеми преимуществами роли загадочного немого парня с израненной душой. Однако он кажется таким притягательным и милым лишь потому, что женщины хотят его спасти.

Мне безразлично, что случилось с ним в четыре года.

К тому же я ничего плохого не сделала. Я услышала выкрик и пошла проверить. А когда застала их, оцепенела от шока. Только и всего.

Сняв бейсболку Ноя, переворачиваю ее козырьком вперед, чтобы укрыться от солнца, после чего возвращаюсь к пикапу. Джейк уже подметает грузовую площадку.

– Эй, Тирнан! – окликает Ной.

Я напрягаюсь, гадая, заметил ли он, что я подглядывала за его братом. Обернувшись, вижу, как все рассаживаются по своим мотоциклам, в том числе и две девушки, с которыми я столкнулась ранее. Ной улыбается мне, тоже оседлав байк.

Вскидываю брови.

– Хочешь прокатиться с нами? – интересуется он.

Бросив взгляд ему за плечо, узнаю вчерашнего парня из города.

Терренс. Тот, который не нравится Ною, судя по всему. Но, полагаю, они вращаются в общих кругах, а городок ма-

ленький, так что... С усмешкой в глазах парень надевает свой шлем, наблюдая за мной.

Я смотрю на Джейка в поисках повода отказаться.

Мужчина спрыгивает с машины, дернув подбородком в мою сторону.

– Мне все равно нужно смотаться в город. Езжай с ними, – говорит он. – Повеселись, но держись рядом с Ноем.

У меня внутри все обрывается. Не люблю находиться в компании незнакомых людей. Я в принципе не люблю находиться среди людей.

Правда, когда я разворачиваюсь, то обнаруживаю Калеба, вышедшего из конюшни. Он натягивает на себя футболку. Девушка, которая была с ним, идет следом.

Это она вчера пристала ко мне в магазине.

Я рассматриваю ее – узкие джинсы, свободная зеленая майка, длинные черные волосы – и ощущаю странную тяжесть в животе, будто камень проглотила.

– Давай. – Ной протягивает мне шлем. – Прокатись со мной.

По какой-то причине теперь я тоже этого хочу. Мои ноги самовольно двигаются. Я подхожу к Ною и по пути на мгновение устанавливаю зрительный контакт с Терренсом Холкомбом.

Однако едва я останавливаюсь у мотоцикла своего кузена, переворачиваю кепку и тянусь за шлемом, чужая рука выхватывает его. Подняв глаза, вижу Калеба. После секундной

заминки он сердито сверлит меня взглядом, затем швыряет шлем на землю. Парень ловит мою руку и тянет подальше от байков. Я спотыкаюсь и выпрямляюсь как раз в тот момент, когда он подступает ближе, заставляя меня пятиться.

Сердце колотится в груди. Пристально глядя мне в глаза, Кaleb дергает подбородком в направлении дома. Ему не нужны слова, я и без них понимаю, что он приказывает мне зайти внутрь.

Он прогоняет меня от ребят. Прогоняет от себя.

– Кaleb, – упрекает его брат.

Фыркание и усмешки разносятся над компанией. Несмотря на укол ярости, я чувствую жжение в глазах.

Прочь. Кaleb смотрит на меня сверху вниз и вновь дергает подбородком. *Проваливай.*

Ты не поедешь.

Джейк вдруг понимает – что-то происходит. Я стискиваю зубы, борясь со слезами. В эту секунду мне больше всего на свете хочется уйти. Туда, где я никому не попадусь на глаза, не вызову чьей-то неприязни.

– Ничего, все в порядке, – тихо обращаюсь к Ною, сдавленно глотая слезы, отступаю назад и разворачиваюсь к дому.

– Тирнан, – зовет Джейк.

Но я его перебиваю:

– Все равно я не хотела никуда ехать. – Глаза все-таки слезятся. – Явно скучное занятие.

Я взбегаю по ступенькам, услышав пронзительный рев моторов. В следующий миг они срываются с места.

Направляюсь к лестнице, но замираю посреди гостиной, сообразив, что наверху меня тоже ничего не ждет. Очередная закрытая дверь. Еще одно укрытие. Очередная комната, где можно скоротать время до...

Я опускаю глаза. В горло словно иглы вонзаются.

До тех пор, пока не отпадет необходимость беспокоиться о том, обращают ли на меня внимание.

Мой подбородок дрожит, по щеке скатывается слезинка, которую я смахиваю.

Не хочу думать, потому что тогда точно останусь в полном одиночестве. Твою мать, я всегда одна.

Снаружи доносится рокот двигателя пикапа. Закрыв глаза, думаю, что должна испытать облегчение, раз мой дядя тоже уезжает. Должна быть благодарна за то, что он не пошел за мной. Мы оба не из тех, кто любит душевные разговоры, да?

Джейк предоставляет мне личную свободу.

Звук его автомобиля затихает по мере удаления. Я стою еще почти минуту, потом поднимаюсь на второй этаж и открываю дверь своей спальни. Миновав пустой чемодан, до сих пор лежащий на полу, подхватываю свой рюкзак, дважды перепроверяю, на месте ли аптечка первой помощи, беру солнцезащитный крем и кладу тюбик в передний карман. Снимаю телефон с зарядки, выхожу из комнаты, спускаюсь

вниз, наполняя бутылку водой и пакую кое-какие закуски.

Уже направившись к входной двери, вдруг останавливаюсь и вспоминаю.

Средства защиты.

Я возвращаюсь на кухню, открываю гараж, спускаюсь по лесенке и окидываю взглядом стеллаж с ружьями.

Жаль, что без этого не обойтись. Я бы выглядела по-идиотски – или как террористка, – если бы прошла по Вентуре с перекинутым через плечо огнестрельным оружием. Только мой дядя прав. Здесь не мегаполис, и я вполне могу нарваться на неприятности.

Покусывая губу, понятия не имею, что выбрать. Я ничего не знаю о меткости или простоте использования, поэтому просто хватаю то, с чем *умею* обращаться. Следом открываю нижний ящик, где нахожу патроны. Зарядив ружье, забрасываю ремень себе на плечо.

Быстро перебрав дядины инструменты, нахожу фонарик, затем выхватываю чистое полотенце из корзины, стоящей на сушильной машинке, складываю все в рюкзак, застегиваю его и надеваю на плечи. Я готова.

Выйдя из мастерской, огибаю дом, направляюсь в лес тем же путем, который показал Джейк, когда катал меня на лошади, взбираюсь на крутой холм. Думаю, я помню дорогу. Сначала прямо, потом нужно обойти валуны. Двигаясь дальше, углубляюсь в чащу. Здесь должна быть протоптанная тропинка... по-моему.

Нужно написать дяде, предупредить его, куда я собралась. Но я не вынимаю телефон из кармана.

Достигнув вершины холма, иду по грунтовой дорожке вокруг валунов, сохраняя бдительность и держа ухо востро. Спустя несколько минут боль в затылке утихает. Я делаю глубокие вдохи, ощущая запах хвои и мокрой земли.

Может, стоило бы вернуться и надеть старые сапоги, одолженные вчера Ноем, но мне плевать, что сейчас мои кроссовки скользят. Узел в животе ослабевает; я не слышу ничего, кроме треска деревьев и доносящегося откуда-то шума воды.

Постепенно я перестаю обращать внимание на окружающее пространство. Следую по тропинке, не совсем уверенная, что это действительно тропинка. Она петляет между деревьями, уводя меня глубже в лес, где тихо и спокойно. Я пытаюсь разглядеть пик вдалеке, только кроны деревьев слишком густые.

Сняв кепку Ноя, встряхиваю свои локоны. Приятно чувствовать ветерок на коже головы. Мысли проясняются. Я закрываю глаза.

Вдруг слышу, как сзади падает камень, отскакивает от валуна или вроде того. Резко обернувшись, осматриваю чашу, по которой недавно шла.

В шее пульсирует сосуд. Солнечный свет струится на землю сквозь листву. Внимательно всматриваясь, пытаюсь разглядеть что-нибудь между валунами и стволами деревьев, тя-

нусь к ружью сбоку и цепляюсь за приклад.

Если это животное, я не увижу его, пока оно само не захочет показаться. Сглотнув, стараюсь разглядеть хоть что-то.

Но там ничего нет.

Никакого движения.

Я стою неподвижно еще несколько секунд, убеждаясь, что мне ничто не угрожает, после чего разворачиваюсь и иду дальше. Правда, на всякий случай периодически оглядываюсь через плечо. Вероятно, это ерунда, дерево упало или камни, или животное пробежало...

Когда взбираюсь на следующий крутой холм, рельеф выравнивается. Окинув взглядом тянущуюся вперед тропу, пытаюсь вспомнить, далеко ли еще. Однако, посмотрев влево, даже глазам своим не верю сперва. Я улыбаюсь, увидев его. По-настоящему улыбаюсь.

С чувством облегчения от того, что не заблудилась, двигаюсь к пруду, мимо которого мы с Джейком проезжали в тот день. Спустившись по камням, я оказываюсь на небольшом пляже, смотрю на скалы, окружающие водоем. Пышная растительность и деревья возвышаются над головой с обеих сторон, но сквозь полог пробивается достаточно солнечного света, мерцающего на водной глади.

Здесь нет ни души. Ни людей, ни шума. Солнце так приятно греет.

На миг задумываюсь, не раздеться ли, оглядываюсь, словно кто-то может наблюдать. В итоге решаю не снимать одеж-

ду. Ну, не всю.

Я кладу ружье на землю, бросаю рядом свой рюкзак, расстегиваю рубашку Ноя, оставшись в спортивном лифчике. Рубашка вместе с бейсболкой тоже летят вниз. Включив плейлист на Spotify, кладу телефон на свои вещи и захожу в воду в кроссовках. На обратном пути высохну. Не хочу оказаться в одном белье, если кто-нибудь забредет сюда, или босиком, если появится какое-нибудь животное.

Войдя поглубже, отталкиваюсь от дна и плыву в центр маленького пруда под аккомпанемент «Look Back at It». Губы растягиваются в очередной улыбке, которую не удастся сдержать.

Мне хорошо. От прохладной воды дрожь пробирает тело; я ощущаю внезапный прилив энергии, ныряю и опять всплываю. Мои волосы полностью намокают.

Ложусь на спину, держусь на поверхности, будто поплавок, ощущая себя невесомой. Вода попадает в уши, лишая возможности слышать.

Я одна, но в кои-то веки не одинока.

Мои пальцы рассекают воду, волосы расплываются по поверхности. Снова улыбаюсь, потому что впервые с момента приезда сюда мир кажется огромным. Иногда полезно выбраться на природу, немного поплутать.

Всегда об этом забываю.

Откуда-то доносится приглушенный рокот. Подняв голову, замечаю подъехавший к берегу спортивный мотоцикл.

Улыбка сползает с моего лица, а тело напрягается. Кто это?

Парень снимает шлем. Его русые волосы растрепаны – эдакий сексуальный беспорядок. Мне требуется меньше секунды, чтобы узнать Терренса Холкомба. С которым я, по сути, еще не познакомилась.

– Привет! – выкрикивает он, слезая с байка.

Я не отвечаю. Что он здесь делает? Осмотревшись по сторонам, прислушиваюсь. Они все приедут?

Терренс подходит к пруду, стягивает ботинки и носки, и я понимаю, что он собирается окунуться. Зайдя по колено в джинсах, он снимает футболку и швыряет ее на камни, затем наклоняется, зачерпывает немного воды, брызгает на лицо, проводит пальцами по волосам, спускается к шее и смачивает грудь.

Обожа-а-а-а-аю племенные татуировки. *Интересно, к какому племени принадлежит Терренс?* Я едва не прыскаю от смеха.

Парень дергает подбородком в мою сторону.

– Как водичка?

– Холодная.

Нырнув, он направляется ко мне, всплывает, заглаживает волосы назад и широко улыбается.

Я начинаю двигаться в сторону, чтобы обогнуть его и выйти на берег.

– Расслабься, – говорит Терренс. – Не каждый обладатель

пениса представляет угрозу.

– Именно это сказал бы любой обладатель пениса.

– Тебя же Тирнан зовут, верно? – Он склоняет голову набок. – Терренс Холкомб.

Я замираю, держась на плаву.

– Я думала, вы всей компанией отправились погонять на мотоциклах.

– Они отправились погонять. А я улизнул, – отвечает парень с улыбкой.

– Ты проследил за мной.

Должно быть, он подслушал, как я обмолвилась о своих планах прогуляться, когда мы все были у дома Ван дер Бергов, и догадался, что в результате окажусь здесь. Я плыву к берегу.

– Если уйдешь, я не знаю, выдастся ли мне еще шанс побыть с тобой наедине. – Обернувшись, смотрю на него. – Они очень ревностно охраняют свою собственность.

Останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом. Мои ноги уже касаются дна.

– Я не их собственность.

– Все, что находится на их территории, принадлежит им. – Терренс кружит вокруг меня. Мы оба погружены по плечи. – Они тут живут по другим правилам, Тирнан.

Несмотря на мое желание возразить, думаю, Джейк, Ной и Кaleb с ним согласились бы. Предупреждение Джейка о местных парнях. То, как Кaleb не позволил мне присоеди-

ниться к ним и покататься на байках, вместо этого отправив домой. Ной со своими собственническими замашками во время нашей вчерашней вылазки в город.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я, сменив тему.

– Ты – новенькая игрушка в Чапел-Пик. Просто присматриваюсь к тебе.

Я приподнимаю брови.

– Ага, прозвучало гораздо вульгарнее, чем я думал, – бормочет он. – Извини.

– Почему? Игрушки для того и созданы, чтобы с ними играли.

У него отвисает челюсть. Мы палимся друг на друга, пока мои неоднозначные слова повисают в воздухе.

Затем, словно по команде, оба одновременно хохочем.

– Это вообще верх вульгарности, – дразнит Терренс.

Да уж.

Но в тебе на миг проснулась надежда.

Продолжая медленно плавать по кругу, мы не стремимся выйти из воды.

– Уже видела аллигаторов? – интересуется парень.

Я прищуриваюсь.

– Что?

– В пруду, – поясняет он. – Они водятся в наших краях, знаешь?

Неужели?

– Нет, вообще-то все аллигаторы разбежались, – заявляю

я. – Хотя единорогов застала.

Терренс усмехается, понимая, что меня так просто не поддеть.

– Отлично. Моя бывшая сразу повелась. Она была настолько тупа, что думала, будто округ Колумбия – это новый штат Америки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.